

ФЕДОР РАЗЗАКОВ

СПАСТИ РАШИДОВА!

АНДРОПОВ
ПРОТИВ
СССР

КГБ
ИГРАЕТ
В ФУТБОЛ

Федор Раззаков

**Спасти Рашидова!
Андропов против СССР.
КГБ играет в футбол**

«Книжный мир»

2019

Раззаков Ф. И.

Спасти Рашидова! Андропов против СССР. КГБ играет в футбол /
Ф. И. Раззаков — «Книжный мир», 2019

ISBN 978-5-6042520-8-6

В конце апреля 1983 года в далекой от шумной Москвы знойной и безмятежной Бухаре был арестован не самый большой милицейский начальник – глава местного ОБХСС. Это рядовое, на первый взгляд, событие в итоге окажется прологом к будущим грандиозным катаклизмам, которые потрясут не только Советский Союз, но и весь мир. Именно тогда генсек Юрий Андропов начнет «зачистку территории», чтобы подготовить почву для прихода к власти своего преемника Михаила Горбачева и его команды «перестройщиков» – будущих погубителей СССР. Начнется знаменитое «узбекское дело», которое станет первым крупным сражением чекистов с партаппаратом перед их последним броском к власти. Чтобы победить в этом сражении команде Андропова необходимо было дискредитировать и убрать влиятельного узбекистанского лидера Шарафа Рашидова, опиравшегося в Москве на лидера партаппаратчиков Константина Черненко. Учитывая то, что на стороне чекистов была многочисленная армия тайных агентов и поддержка влиятельных сил на Западе, с которыми именно тогда начались сепаратные переговоры, казалось, что исход этого сражения был predetermined заранее. Однако сопротивление противоположной стороны было столь отчаянным, что возник момент, когда чаша весов начала перевешивать в пользу партаппарата. Тем более, что в Москве, под боком у КГБ, работал «узбекский Штирлиц» – разведчик, который один стоил целой армии. За его голову Андропов объявил награду и контрразведка КГБ, подняв на ноги всю свою агентуру, открыла охоту, на этого человека... Этот лихо закрученный детектив Федора Раззакова раскрывает доселе неизвестные страницы советской истории, которые по сию пору тщательно скрывались. Пришло время узнать спрятанную правду. Книга является продолжением детективной серии начатой в романах «Виктор Тихонов: творец «красной машины». КГБ играет в хоккей» (2016) и «Константин Бесков: мафия в офсайде. КГБ играет в футбол» (2016).

ISBN 978-5-6042520-8-6

© Раззаков Ф. И., 2019

© Книжный мир, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Фёдор Раззаков

Спаси Рашидова! Андропов против СССР. КГБ играет в футбол

Моему деду-узбеку, не вернувшемуся с войны, посвящаю эту книгу

Пролог

13 апреля 1983 года, среда.

Швейцария, Лозанна, стадион «Олимпик де да Понтес», товарищеский матч по футболу Швейцария – СССР

Заместитель директора Разведывательного управления ЦРУ Майкл Харрис с интересом наблюдал за очередной атакой советских футболистов на ворота хозяев поля, когда на пустующее место рядом с ним сел его хороший знакомый – сотрудник британской внешней разведки МИ-6 Гленн Солсбери. Они сидели на самой верхотуре Северной трибуны, причем в таком уединенном месте, рядом с которым не было любопытных глаз. Впрочем, уединиться им было не трудно – 50-тысячный стадион сегодня был заполнен меньше, чем на четверть.

– Не устаю поражаться вашей оригинальности, Майкл – назначать место встречи не где-нибудь в уютном кафе, а на стадионе, – не скрывая своего раздражения, произнес англичанин.

– А я удивляюсь вашей беспечности, Гленн – с недавних пор вы активно вовлечены в войну против русских, но совсем не интересуетесь их пристрастиями, – не поворачивая к гостю головы, ответил американец. – Нельзя понять психологию врага, чураясь его привычек или увлечений. Разве ваш отец вам об этом не говорил?

Родителем Гленна был видный работник Форин-офиса Милфорд Солсбери, в 50-е годы служивший помощником посла Великобритании в Москве.

– Говорил, но меня всегда отпугивали от России ее трескучие морозы – мне ближе знойная Африка.

– Морозы закаляют человека, а жара, наоборот, размягчает. Для профессионального разведчика последнее подобно смерти.

– Насколько я знаю, вы тоже специализировались на жарких странах, – напомнил американцу его недавнее прошлое Солсбери.

Он имел в виду, что Харрис на протяжении нескольких лет занимался республиками Средней Азии, работая в Центре оценки иностранных государств ЦРУ. Но после реорганизации этой структуры в 1981 году и переименования ее в Разведывательное управление, Харрис пошел на повышение – был назначен заместителем начальника управления, курирующим все советское направление. С Солсбери он познакомился недавно – всего лишь несколько месяцев назад, когда того назначили сменщиком другого представителя МИ-6, с которым Харрис работал бок о бок более двух лет в рамках операции «Фарадей». Последняя курировалась министерствами обороны Великобритании и США и преследовала сразу несколько целей на афганском направлении: создание тренировочных лагерей (в том числе, на территории Пакистана и в Шотландии); засылку американских и британских диверсантов из частей спецназа для ведения разведки в районах Кандагар – Баграм – Кабул; организацию поставок оружия, боеприпасов и минно-взрывных средств; инструктирование афганских моджахедов по тактике диверсионной деятельности. ЦРУ и МИ-6 в этой операции отвечали за агентурную разведку и снабжение моджахедов деньгами и оружием.

– Да будет вам известно, Гленн, в Узбекистане, который входил и до сих пор входит в сферу моих интересов, проживает самая большая русская диаспора – около полутора миллиона человек, – парировал выпад своего собеседника американец. – Так что мне пришлось глубоко изучать не только менталитет узбеков, но и русских. Кстати, и футбол в Узбекистане активно развивался благодаря деятельности последних.

– Это так важно?

– В работе разведчика важны любые детали. Вы, например, в курсе, кто из артистов сегодня особенно популярен в России?

– Плисецкая?

– Это балет, а он всегда относился к элитарному искусству. Поэтому Майю Плисецкую в России хорошо знают, но не любят так, как, например, исполнительницу эстрадных песен Аллу Пугачеву. Или футболиста Олега Блохина, который сейчас атакует ворота швейцарцев.

В это время упомянутый нападающий советской сборной ворвался в штрафную площадь хозяев поля и, получив мяч от своего партнера по киевскому «Динамо» Андрея Балья, пробил в незащищенный угол ворот. На электронном табло тут же возник счет – 1 : 0.

– Не спорю, этот русский нападающий действительно хорош, – согласился с собеседником англичанин.

– Он не столько русский, сколько украинец.

– Это принципиально? – продолжал удивляться Солсбери.

– Конечно, если учитывать тот факт, что Москва и Киев являются тайными соперниками во многих сферах жизнедеятельности советского общества. Причем не только в футболе, но и в политике. Что имеется в виду? У русских сейчас на поле играет одиннадцать игроков. Как и у вас, англичан, они тоже собраны из разных клубов. Но есть и серьезное различие – эти игроки представляют разные республики и национальности. Например, в воротах у них стоит мусульманин – татарин Ринат Дасаев. В защите и полузащите играют два грузина – Тенгиз Сулаквелидзе и Александр Чивадзе, трое украинцев – Анатолий Демьяненко, Андрей Баль, Владимир Бессонов, в нападении трое русских – Николай Ларионов, Федор Черенков и Сергей Родионов, и, наконец, еще один украинец – уже упоминавшийся Олег Блохин. При этом в регулярном чемпионате СССР их клубы соревнуются не только в спортивном плане, но и в политическом – практически за каждым из них стоит руководитель республики. Например, за украинским «Динамо» из Киева – член Политбюро Владимир Щербицкий, а за «Динамо» из столицы Грузии города Тбилиси – кандидат в члены Политбюро Эдуард Шеварднадзе. Эти политики, принадлежа к разным властным группировкам, конкурируют друг с другом, в том числе и посредством влияния на ситуацию через свои футбольные клубы. И наша с вами задача, Гленн, зная об этом, всячески разжигать эту конкуренцию.

– По части разжигания вы, американцы, можете дать фору любому европейцу, – не скрывая своего сарказма, заметил англичанин.

– Если это идет на благо нашему общему делу, почему бы и нет? – улыбнулся Харрис и впервые за время разговора взглянул на собеседника. – Мы же сумели разжечь пожар войны в Афганистане и заманить туда русских. И теперь это идет во благо общих целей наших с вами стран. А цель у нас с вами одна, Гленн – поражение коммунизма.

– А я думал, поражение советской сборной, – пошутил Солсбери.

– Они сегодня выигрывают и, кстати, поделом, – не меняя серьезного выражения лица, ответил американец. – Однако итогом всего этого марафона для них должен стать их невыход в финальную стадию будущего чемпионата Европы. Если они соберутся бойкотировать нашу Олимпиаду в Лос-Анджелесе, мы отомстим русским тем же – не пустим на главный футбольный праздник в Европе, посмей они дойти до финала отборочных игр.

– У вас есть для этого рычаги?

– В нашем арсенале много чего есть – например, прикормленные чиновники из ФИФА, штаб-квартира которой, как вы знаете, находится в соседнем с Лозанной Цюрихе, – ответил Харрис.

Англичанин, конечно же, лукавил – он был прекрасно осведомлен о том, что ЦРУ вот уже не одно десятилетие достаточно активно действует в Швейцарии, имея на ее территории три основные точки размещения: в посольстве США в Берне, в консульстве в Цюрихе и миссии США при европейском отделении Организации Объединенных Наций в Женеве, которая была самой крупной резидентурой ЦРУ в Швейцарии. Это подразделение отвечало за усилия управления по проникновению в ООН и другие международные организации в Женеве, в частности в МОТ и международные профсоюзы, которые имеют свои штаб-квартиры в этом городе. Кроме работы против специализированных учреждений ООН в Женеве и штаб-квартир других международных организаций в Швейцарии все три точки ЦРУ имели также и другие задачи. Так, резидентура в Берне была ответственна за операции по проникновению в швейцарское правительство, поиск влиятельных агентов и за связь со службами безопасности Швейцарии. Эта резидентура также отвечала за операции против советского посольства в Берне и против посольств других социалистических стран. Одни из этих операций могли осуществляться совместно со швейцарскими службами, другие – без их ведома. Причем проникновение в швейцарские спецслужбы и другие влиятельные структуры этого небольшого европейского государства всегда являлось одной из приоритетных задач для ЦРУ.

– Кстати, о рычагах, ради которых я, собственно, и пригласил вас на эту встречу, – продолжал свою речь американец. – У вас ведь есть выходы на французских политиков, которые контролируют поставку наркотиков через Марсель?

– Естественно, – кивнул головой Солсбери.

– В таком случае, вам не составит труда свести их с нами – нам надо договориться о расширении поставок наркотиков из Афганистана через французов. Скоро этот поток значительно расширится.

– Вам понадобились дополнительные деньги для поддержки моджахедов?

– Сразу видно, что в этих делах вы сечете лучше, чем в советском футболе, – теперь уже настала очередь шутить американцу.

– В этом нет ничего сложного – втянув русских в Афганистан, вы теперь всеми силами хотите их там удержать, а для этого надо разжигать пожар войны. И без больших денежных вливаний здесь не обойтись.

– Можно подумать, что вы, англичане, преследуете в Афганистане совершенно иные цели?

– Цели у нас с вами одинаковые, иначе мы бы не были в этом союзниками. Однако после недавнего инцидента с «Интерармз компани» мы не хотели бы слишком активно высовываться.

Англичанин имел в виду историю месячной давности, когда на территории Афганистана силами советского КГБ и его афганского аналога ХАДа были задержаны несколько участников операции «Фарадей». После чего стал известен один из организованных ЦРУ каналов поставки оружия: созданная на территории Великобритании фирма «Интерармз компани оф Манчестер», которая обеспечивала доставку оружия и боеприпасов из Манчестера в Карачи, а оттуда – на перевалочные пункты в Пешаваре и Парачинаре в районе пакистано-афганской границы.

– Мы понимаем ваши опасения, но без вас нам будет сложнее удержать русских в Афганистане, – этот комплимент вырвался из уст американца не случайно.

После шумных разоблачений деятельности ЦРУ в годы правления Джими Картера, американское общество стало с раздражением реагировать на тайные операции своего разведывательного ведомства. Все это привело к тому, что ЦРУ стало напрямую обращаться к союзникам, и в первую очередь к Англии, с просьбой об оказании помощи в осуществлении

таких тайных операций, которые оно не могло провести через комиссии Конгресса, в том числе комиссии по наблюдению за разведывательной деятельностью.

– Спасибо за комплимент, но ситуация меняется не в лучшую сторону и по другим направлениям, – заметил англичанин. – Например, две недели назад Андропов встречался с главой ООН Куэльяром и там, насколько мне известно, речь шла о возможном выводе советских войск из Афганистана.

– Это всего лишь предварительные договоренности, – поморщился Харрис.

– Но Андропов чекист и большой дока в такого рода делах.

– Я не умаляю его способностей, но именно этого доку мы втянули в Афганистан, подсунив ему дезинформацию про Хафизулла Амина, выдав его за нашего агента. И Андропов эту дезу заглотил, убедив военных сунуться в нашу ловушку.

Англичанин прекрасно знал эту историю, когда в конце 70-х ЦРУ буквально заваляло КГБ горами дезинформации. В этот «грязный поток» входили сведения о том, как премьер-министр Афганистана и генсек ЦК НД ПА Амин регулярно посещает резидентуру ЦРУ в американском посольстве, что во время учебы в США он состоял в руководстве землячества афганских студентов, а оно функционировало под контролем ЦРУ, что он согласен разрешить размещение в приграничных с СССР провинциях Афганистана американских средств технической разведки и что ищет пути сближения с Пакистаном и Ираном и у него уже достигнута договоренность с пакистанским лидером Зия-уль-Хаком о приеме в конце декабря 1979 года в Кабуле личного представителя главы пакистанской администрации.

– Но, кажется, теперь Андропов прозрел и хочет выбраться из ловушки? – высказал вполне резонное предположение англичанин. – И у него в этом деле появились весьма влиятельные союзники буквально накануне очередного раунда переговоров в Женеве.

Имелась в виду деятельность заместителя генсека ООН Диего Кордовеса, который вот уже почти год предпринимал отчаянные попытки добиться вывода советских войск из Афганистана. Причем Андропов в этом плане играл одну из важнейших ролей – он был согласен решить эту проблему положительно. Как написала в начале марта этого года газета «Таймс», «Андропов реально готовил пути для возможных дипломатических шагов в Афганистане, впервые официально признав в печати то, о чем раньше говорили шепотом: что «наши ребята в Афганистане гибнут от пуль повстанцев и что силы сопротивления настолько мощны и опытны в ведении боевых действий в горах, что в состоянии эффективно действовать против советской пехоты и танков».

После этого оставалось только одно – уговорить американцев, которые согласились участвовать в женевских переговорах 17–24 июня с.г. Причем кое-кто из них был готов согласиться на советские предложения. Например, Кордовеса поддерживал посол США в Пакистане Рональд Спайерс, который заявил, что Советский Союз искренне стремится найти пути решения афганского конфликта.

– Забудьте про союзников русских, – усмехнулся Харрис. – Кордовес сломается на «линии Дюранга», которую педалирует Пакистан и которую никогда не примет руководство Афганиста, опасаясь обострения националистического движения в стране. А что касается нашего посла в Пакистане Рональда Спайерса, то не забывайте, что два года назад он был послом в Турции и именно при его активном участии мы совершили там военный переворот. Неужели вы думаете, что его сегодняшняя позиция по Афганистану искренняя? Он же профессиональный разведчик и умеет запутывать людям мозги. И меня удивляет, что в эти его заявления поверили вы – его коллега?

– А если я не поверил, а всего лишь зондирую почву? – спросил Солсбери.

– Тогда другое дело, – не скрывая своего удовлетворения, произнес Харрис.

В это время судья на поле просвистел об окончании первой половины матча и зрители, заполнившие трибуны стадиона, потянулись в подтрибунные помещения. Однако наши собеседники даже не двинулись со своих мест и продолжили свой разговор.

– Андропов никогда не выберется из нашей западни, поскольку мы не дадим ему этого сделать, – продолжал американец. – Более того, мы сделаем все от нас зависящее, чтобы он втянулся в эту ловушку еще глубже. Ведь нам не хочется повторять ваших ошибок, когда более полувека назад Великобритания потерпела поражение в Афганистане. Вы же потому и помогаете нам, что хотите с нашей помощью взять реванш. У нас с вами общие цели – нам одинаково выгодно не выпустить русских из Афганистана, чтобы обескровить их в этой войне. В противном случае они оставят в Кабуле марионеточное правительство и будут всячески его поддерживать, чтобы закрепиться в регионе. Рано или поздно, но они расширят свое влияние на юг, после чего пойдут дальше – на восток в сторону Пакистана и на запад – к Ирану. Все это грозит нам потерей контроля над ближневосточной нефтью.

– И что конкретно вы предлагаете, чтобы затянуть русских в эту ловушку еще сильнее?

Прежде чем ответить, американец придвинулся к собеседнику почти вплотную и стал излагать свой план:

– Нам надо значительно расширить территорию производства опиийного мака в Афганистане. Вы же понимаете, что торговля наркотиками не позволит афганцам стабилизировать сельское хозяйство, чего добивается СССР для власти Бабрака Кармала. Чем глубже увязнут афганцы в наркотрафике, тем сильнее будет у них нестабильность, с которой именно русским и придется бороться. Не оставят же они своих афганских братьев в беде, если уже сунулись в это пекло? Однако сохранить плантации наркотика на юге страны легко – там проходит граница с Пакистаном, который играет на нашей стороне. Не плохие шансы у нас и в центральных регионах, где действуют полевые командиры, получающие от нас деньги и оружие. Но на севере действуют войска узбека Рашида Дустума, которого поддерживает лидер советского Узбекистана Шараф Рашидов. Среди среднеазиатских лидеров он единственный, кто давно и настойчиво ставит под сомнение присутствие советских войск в Афганистане. Он прекрасно понимает, что дальнейшая эскалация этой войны грозит расколом в исламском мире и угрозой пожара в самой Средней Азии. Да и проблема проникновения наркотиков из Афганистана на территорию Узбекистана тоже не дает покоя Рашидову, поскольку может внести раскол не только в узбекскую, но и во всю среднеазиатскую элиту.

– Вы опасаетесь, что Рашидов сможет сплотить вокруг себя всех азиатов? – предположил англичанин.

– Вот именно, Гленн, – согласно кивнул головой американец. – В свое время он сумел убедить индийцев и пакистанцев закончить братоубийственную войну. Это никому не удалось, а у него получилось. Правда, при помощи Москвы, но одной из ключевых фигур там был все-таки Рашидов. С тех пор прошло семнадцать лет, и за это время его авторитет в мусульманском мире вырос еще больше. Только в семидесятые годы он десятки раз выезжал с официальными визитами практически во все ключевые страны Среднего и Ближнего Востока: в Афганистан, Индию, Пакистан, Сирию, Иран, Ирак и так далее. Что, если он сумеет погасить и пламя афганской войны, заручившись поддержкой влиятельных мусульманских лидеров, как в самом СССР, так и за его пределами? Если это случится, нам от этого удара долго не оправиться. Как мы тогда сможем влиять, например, на тех же саудитов, которые вместе с нами спонсируют афганскую войну?

– Неужели вы хотите ликвидировать Рашидова? – вырвался из уст англичанина вопрос, который напрашивался сам собой.

– Мы хотим, чтобы он слетел с шахматной доски, а каким образом это произойдет не столь важно. Может быть, его отправят в отставку и без нашей помощи. Главное – Рашидов должен уйти в ближайшее время.

– Неужели его позиции в Москве столь шаткие?

– Он, конечно, может найти себе союзников в Центре, но все это временно, поскольку большая часть советской партийной и государственной номенклатуры ориентирована на Запад, а не на Восток. За последние пятнадцать лет мы все-таки сумели воспитать советскую элиту в выгодном для нас *духе*. Жажда потребительства – вот что подточит основы советской системы и она падет к нашим ногам, как гнилое яблоко. Вот почему Рашидову, по сути, суждено повторить историю, случившуюся в прошлом году с генералом Далла Кьеза в Италии. Надеюсь, помните эти события?

Конечно же, Солсбери прекрасно знал, о чем идет речь. Об убийстве в сентябре 1982 года в итальянском городе Палермо префекта этого города, который приехал, чтобы бороться с мафией. Но в итоге оказался тем самым «одним в поле воином», которого предали все. И в своем последнем интервью для римской газеты «Республика» Кьеза в открытую заявил об этом, сказав следующее: «Мне кажется, я понял новые правила игры. Теперь человека при власти убивают только в том случае, когда обнаруживается некое фатальное совпадение: он становится слишком опасен и совсем не пользуется поддержкой правительства».

Вскоре после этого генерал был расстрелян прямо на улице Палермо вместе с молодой женой и телохранителем. В Советском Союзе, конечно, невозможно было себе представить такой способ расправы с неугодным политиком, однако все остальные способы вполне могли быть осуществимы. Именно об этом и говорил теперь Харрис:

– Против Рашидова не только лично Андропов, но и мощный кавказско-закавказский клан, одним из лидеров которого является Эдуард Шеварднадзе.

– Тот самый, футболисты которого сейчас бегают по полю?

– Совершенно верно. В этот же клан входят и армяне, но единственный их представитель в сегодняшней советской сборной сидит сейчас на скамейке (американец имел в виду нападающего Хорена Оганесяна).

– Вы забыли про другую кавказскую республику – Азербайджан. Он на чьей стороне в этом раскладе?

– Наивный вопрос, учитывая, что азербайджанцы – такие же мусульмане, как и узбеки. Но их лидер Гейдар Алиев сегодня Рашидову уже не помощник. Его не зря полгода назад вырвали из Азербайджана и перевели в Москву, бросив на хозяйственные дела. Так что его голова сегодня забита другими проблемами, а не помощью своему единоверцу.

– А как же его соратники в Азербайджане?

– Там у власти Кямран Багиров – ставленник Алиева, но он ему не чета. Поэтому кавказскому клану он не опасен. А вот Рашидов иное дело. Кавказцы крайне заинтересованы в том, чтобы в самой передовой среднеазиатской республике вместо сильного правителя воцарился слабый и, главное, послушный как их воле, так и воле Кремля. Причем этот новый правитель должен быть из противоположного самаркандцам лагеря – ферганского.

– Это так важно?

– Для нас особенно, учитывая место Ферганской долины в наших раскладах относительно наркотрафика. Там существует так называемой триграничье – проходят границы сразу трех республик: Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Вам это ничто не напоминает, Гленн?

– Имеете в виду Бразилию, Аргентину и Парагвай, где начинает складываться наркотрафик кокаина? – догадался англичанин.

– Совершенно верно! Именно это же самое можно сделать и в Ферганском триграничье. Если нам, конечно, удастся сбросить Рашидова и поставить вместо него человека послабже.

– Неужели Андропов этого не понимает, учитывая, что в афганском вопросе Рашидов играет на его стороне?

– Конечно, понимает. Но он видит и другое – то, что Рашидов реально мешает ему в его внутренних притязаниях. Андропов задумал серьезную территориальную реформу – хочет

упразднить союзные республики и разбить страну на 41 административный регион по примеру наших американских штатов. В этом новообразовании ведущими *будут* те республики, где наиболее восприимчивы к рыночным отношениям, где наиболее развита теневая экономика.

– Разве в Узбекистане ее нет? – удивился англичанин.

– Конечно, есть, но она крутится в основном вокруг хлопка, куда кавказцам хода нет.

– А в чем смысл хлопковых махинаций?

– О, это весьма ловкая придумка московских чиновников, – не скрывая своего восхищения, ответил Харрис. – С ее помощью они кормят свою бюрократию и держат на крючке тех же узбеков, да и других хлопкоробов тоже. В двух словах это выглядит так. Москва спускает в хлопкосеющие республики специально завышенные планы по сбору хлопка. Например, те же узбеки могут реально сдавать около пяти миллионов тонн, а им ставят задачей собрать на миллион тонн больше.

– А если они откажутся? – перебил очередным вопросом рассказ собеседника англичанин.

– Сразу видно, что вы совсем не знаете специфику советского государственного управления, – усмехнулся Харрис. – Любое распоряжение из Москвы – закон для республик. Правда, не для всех. Ведь Советский Союз – это «империя диаспор». У кого они сильнее, тот и правит балом. И представители Кавказа и Закавказья на этом балу с давних пор выступают в качестве тех, кто заказывает музыку. Вот почему для Грузии с Арменией, а также прибалтийских республик или Украины, особенно ее западной части, не каждое распоряжение из столицы России является законом.

– Почему? – продолжал вопрошать англичанин.

– Потому что грузины и армяне для советских властей, что для наших те же евреи. Они так же сплоченны, максимально капитализированы и имеют сильное лобби как внутри советской системы, так и далеко за ее пределами – возьмите тех же армян, у которых мощные диаспоры во многих странах мира, в том числе и у нас, в Америке, а также в соседней Канаде и европейской Франции. Заметьте, это все – мощные государства, делающие погоду в мировой политике. Та же ситуация и у прибалтов, при этом они пользуются еще и тем, что их республики являются этакими витринами социализма, поэтому обижать их тоже не рекомендуется. Вот почему кавказцы и прибалты чувствуют себя в сонме советских республик более свободно, чем остальные. Хотя в бюджет страны вкладывают значительно меньше, чем другие. Например, в Армении продукцию производят на душу населения в два раза меньше, чем в России, а съедают в два с половиной раза больше. В Эстонии потребление на душу населения превышает уровень той же России в три раза. Но лучше всего живут в Грузии – она в три с половиной раза богаче России и вообще богаче, чем кто бы то ни был в Советском Союзе! Естественно, кавказцы и прибалты хотят сохранить этот статус-кво, а для этого им по-прежнему нужны доноры. Например, тот же Узбекистан, где девятнадцать миллионов населения, причем преимущественно сельского. На денежных счетах узбеков лежат огромные средства, которые надо отобрать. Если не все, то хотя бы частично. Но пока у власти самаркандец Рашидов, который сумел объединить вокруг себя все тамошние группировки, сделать это будет проблематично.

– Это я понял, но вы не дорассказали историю про хлопковые приписки – зачем это нужно Москве, – напомнил Харрису о его прерванном рассказе англичанин.

– Это потому что вы перебивали меня своими вопросами, – оправдался американец, после чего продолжил: – Узбекистан и другие республики Средней Азии весьма зависимы от Москвы, поскольку у них нет там сильного лобби, как у тех же кавказцев. Вот почему любое распоряжение оттуда для узбеков закон. В том числе и в отношении количества сдаваемого хлопка. Вы спрашиваете, зачем Москве нужен этот недостающий миллион тонн белого золота? А для того, чтобы узбеки его приписали – то есть, сдавали вместо него некачественный хлопок в виде его отходов – линта и улюка. Но чтобы в Москве эти отходы приняли как качественный

хлопок, узбеков заставляют везти в столицу России взятки. Тем самым, и волки сыты – московские чиновники, и овцы целы – узбекские хлопкоробы.

– Так уж и заставляют? – усомнился в услышанном англичанин.

Прежде чем ответить, американец вновь взглянул на футбольное поле, где к тому времени начался второй тайм – в атаке опять были советские футболисты, которые наступали широким фронтом. Однако хозяева поля сумели отбиться – выбили мяч в аут. Едва это произошло, как Харрис вновь вернулся к разговору:

– Ваши сомнения, Гленн, не беспочвенны. Узбеки тоже заинтересованы в этом процессе. Но по объективным причинам. Я уже говорил, что у них нет своего сильного лобби в Москве, как у тех же кавказцев и закавказцев. Вот они таким образом и пытаются его купить. В противном случае им не удастся выбить из Москвы те же фонды – то есть, продукцию, которая пользуется повышенным спросом у населения. И пока был жив Брежнев, у узбеков это получалось, поскольку покойный генсек был из интернационалистов.

Да и с мусульманами у него всегда были хорошие отношения – одно время он даже руководил Казахстаном. Но Андропов вылеплен совершенно из другого теста. Он наполовину еврей, который родился по соседству с Северным Кавказом – на Ставрополье. Поэтому он всегда больше тяготел к кавказцам. Кстати, и к либералам он относится лучше, чем к почвенникам именно по тем же причинам. Но это другая тема, поэтому вернемся к узбекам. Будучи главой КГБ, Андропов вел досье на большинство советских коррупционеров, в том числе и от хлопка. В нужный момент он всегда может извлечь эти материалы на свет. И извлекает. С помощью этого компромата Андропов либо отправляет неугодных ему чиновников в отставку, ставя вместо них угодных лично ему и его клану, либо попросту подвешивает их на крючок, делая из них своих агентов.

– Кажется, теперь я понимаю, какой рычаг будет использовать Андропов против Рашидова, – прервал плавную речь собеседника англичанин. – Он обвинит его в коррупции, в потворствовании теневой экономике в системе сбора хлопка.

– Bravo, Гленн, вы делаете успехи! – рассмеялся Харрис в ответ на это заявление. – Совершенно верно: вместо того, чтобы основательно зачистить элиты Москвы или Кавказ с Закавказьем, он обрушит удар своей дубины на Узбекистан. Ведь тот менее капитализирован и масштабы его теневой экономики не идут ни в какое сравнение с кавказскими, где существует целая цепочка заинтересованных агентов: парт-и госуправленцев, теневиков и криминалитет. Заметьте, что в среде последнего практически нет воров в законе узбекской национальности – почти все они либо славяне, либо представители кавказских народностей – грузины или армяне. Если конкретно, то на данный момент шестьдесят пять процентов воров в законе являются выходцами с Кавказа или Закавказья, в том числе тридцать один процент из них грузины, восемь процентов армяне и около трети составляют славяне.

– Кто такие воры в законе? – задал очередной вопрос англичанин.

– Это доны корлеоне по-советски – воротилы уголовного мира. Они обложили налогом цеховиков – владельцев подпольных предприятий, которые производят дефицитный товар. Причем заметьте – этот товар из тех же Грузии и Армении расходится по всей стране, что является отличным средством для подкупа как центральных, так и региональных элит. Особенно в этом преуспели грузины. Они контролируют цветочный рынок, винный, табачный, чайный, цитрусовый, минеральной воды, а также продажу целлофановых пакетов, которые очень популярны в Советах. У узбеков с их хлопком таких широких возможностей в деле подкупа нет. Как нет у них и сепаратизма, который в очень широких формах присутствует на Кавказе и в Закавказье, где население моноязычно, а значит, менее интернационально.

В это время на футбольном поле швейцарцы организовали атаку, на острие которой оказался их нападающий Раймонде Понте. Однако в момент совершения удара по мячу футболист

поскользнулся на мокром газоне, из-за чего удар получился неточным – мяч пролетел мимо ворот. И Харрис, досмотрев этот эпизод до конца, продолжил свою речь:

– Важную роль играет и религиозный фактор. У трех авраамических религий – иудаизма, христианства и ислама – есть общие признаки для сближения, но есть и различия, которые этому сближению мешают. Ближе всего друг к другу иудаизм и христианство, потому что у христианства есть Ветхий Завет, который есть в иудаизме. А вот с исламом сложнее – он труднее поддается перекодировке. Андропов это понимает, хотя в этом вопросе он разбирается хуже всего. Ислам всегда его пугал, наводя на него тихий ужас. Этим и надо пользоваться: сначала мы ввели его в Афганистан, а теперь надо то же самое проделать и с Узбекистаном. И когда его дубина обрушится на эту среднеазиатскую республику, это поможет нам перетасовать одни кланы (исламские) в угоду другим (кавказским), с которыми нам значительно легче работать. Ведь именно сепаратизм Кавказа, Закавказья и Прибалтики поможет нам в будущем расширить Советы. Все-таки Советский Союз – многонациональное государство. Как верно сказал однажды один из наших политиков: «И Советский Союз, и США, если исходить из их национального состава, можно уподобить яичнице. Только СССР – это глазунья, которую можно разделить на части, а США – это омлет, где все нации настолько перемешаны, что разделить их невозможно». Когда Андропов начнет «чистку» Узбекистана, где проживает множество разных народностей, ему волей-неволей придется оградить своих союзников от этих репрессий. А ведь в Узбекистане проживает более сорока тысяч тех же армян и около пяти тысяч грузин.

– То есть, он возьмет их под защиту?

– Не всех, конечно, а тех из них, кто участвует в теневой экономике. А таких там предостаточно. В отличие от Андропова, у Рашидова возможностей для маневра гораздо меньше. По сути, он попадет в те же самые клещи, в которые уже угодили Советы с еврейским вопросом. Ведь евреи в далеком семнадцатом году активно помогали рушить царскую Россию. И с тех пор стали занимать в Советском Союзе весомое место. Причем не только благодаря своему участию в строительстве нового государства, но и благодаря своим влиятельным связям за его пределами. Та же ситуация и с армянами. Их элита имеет мощное лобби внутри СССР, а также связана с зарубежными диаспорами. Именно это когда-то стало поводом для узбекских властей позволить им укрепиться в Узбекистане. Таким образом, они пользовались связями армянской элиты, чтобы обеспечить своей республике хорошие преференции. Однако в нынешней ситуации армянское лобби будет играть против Рашидова в силу изменившейся ситуации. Так же, как еврейское стало играть против советского. И мы не будем стоять от этого в стороне – мы активно разжигаем еврейскую проблему и точно так же разыграем и армянскую карту.

– Чтобы разжечь пламя межнациональной розни? – догадался о том, куда клонит его собеседник, англичанин.

– Именно. И хотя узбеки очень толерантный народ и с теми же грузинами или армянами всегда жили дружно, однако в новых условиях недовольство с их стороны вполне может возникнуть. И мы должны это недовольство всячески разжигать, подыгрывая кавказцам. Они полагают, что избавившись от власти Москвы, смогут выжить самостоятельно, опираясь на собственные ресурсы и на нашу помощь. Нам такое заблуждение очень даже выгодно. Наша задача – подогреть в них эти настроения и подтолкнуть их к разрыву с Россией. Когда этот разрыв произойдет, мы возьмем их голыми руками.

– Но тогда получается, что Андропов готов пожертвовать своим афганским союзником Рашидовым ради союзников кавказских? – удивился англичанин.

– Именно так, – кивнул головой Харрис. – Власть внутри страны для него сегодня важнее внешних факторов. Поскольку кавказцев он трогать не может, да и не хочет, он бьет по другим. И в первую очередь он устраняет сильных противников, вроде Щелокова и Рашидова для того, чтобы расчистить поле не только для себя, но и для своих будущих преемников. И вот тут мы

с вами подошли к другой важной теме нашей сегодняшней встречи. Я хочу обратиться к вам еще с одной деликатной просьбой: устройте мне встречу с вашим отцом.

– На предмет чего? – насторожился Солсбери.

– На предмет одного важного разговора, – был короток американец.

– Вы обращаетесь ко мне с просьбой о конфиденциальной встрече с моим родителем, но в то же время явно мне не доверяете?

Взгляд, который бросил на своего собеседника англичанин, говорил сам за себя. Поэтому Харрис предпочел не таиться, чтобы не потерять расположение собеседника:

– Я уполномочен переговорить с вашим отцом относительно одной кандидатуры, которую мы хотели бы видеть на месте Андропова.

Поймав еще один вопросительный взгляд собеседника, Харрис продолжил:

– Дело в том, что Андропов не жилец и долго в кресле генерального секретаря не протянет – максимум год-полтора.

– Откуда у вас такая информация? – продолжал удивляться англичанин.

– Поверьте моему слову – информация самая надежная. Поэтому мы уже подбираем кандидатуру возможного преемника Андропова, с которым можно будет иметь дело.

– Вы можете назвать имя этого человека или это опять тайна?

– Отчего же – это Михаил Горбачев.

– Кажется, он занимается у русских сельским хозяйством и не сильно в этом деле преуспел? – наморщив лоб, произнес Солсбери.

– Именно этим он нас и привлекает. Советский Союз падет, когда во главе его встанет не гигант мысли, а фигура диаметрально противоположная. К тому же Горбачев является выдвигенцем все того же кавказского клана. Ставропольский крайком, который он долгие годы возглавлял, как я уже говорил, граничит с Северным Кавказом. И именно на Горбачева делает ставку партия так называемых реформаторов, с которыми у нас давние контакты по линии их спецслужб и партаппарата. И они уже во всю двигают во власть своих людей. Например, несколько дней назад поставили своего человека во главе очень важного отдела ЦК – организационно-партийного, который занимается расстановкой кадров по всей стране. И вот уже не далее как позавчера государственный комитет спорта возглавил еще один их выдвигенец – кстати, земляк Горбачева.

– Опять мы вернулись к футболу, – отреагировал на эту новость англичанин.

– Вы зря иронизируете, Гленн, – не меняя серьезного выражения лица, ответил американец. – Еще раз повторяю – футбол в Советском Союзе является самым политизированным видом спорта. И эту его особенность надо использовать.

– Вы снова имеете в виду свои рычаги, только теперь уже на территории Советов?

– А вы разве сомневаетесь в том, что деньги любят не только чиновники из ФИФА? – усмехнулся американец. – Их в равной степени обожают и советские спортивные функционеры. Некоторые из них за бумажки с изображением наших президентов готовы продать родную мать.

Тем временем матч неумолимо двигался к своему завершению. Причем во втором тайме инициатива перешла к хозяевам поля, а гости лишь оборонялись. Однако мокрый газон мешал и без того малотехничным швейцарцам продемонстрировать свое мастерство. Вот и в том моменте, который сейчас происходил на поле, скользкий мяч после удара их нападающего Манфреда Брашлера, несколько минут назад заменившего на поле Петера Цвиккера, пришелся мимо ворот. Глядя на это, англичанин резюмировал:

– Кажется, ваш прогноз относительно поражения хозяев поля полностью сбывается.

– Главное, что нас с вами должно сейчас волновать – чтобы не потерпели поражения наши с вами планы. Итак, вы устройте мне встречу с вашим отцом? – и Харрис снова перевел взгляд с игрового поля на собеседника.

– Вам придется подождать несколько дней, пока я не вернусь в Лондон, – ответил англичанин.

– Ничего, мы ждали и дольше. На Востоке на этот счет есть хорошая поговорка: «Терпение горько, но приносит сладкие плоды».

Сказав это, американец еще некоторое время наблюдал за матчем, после чего поднялся со своего места, всем видом показывая, что происходящее на поле его уже мало интересует. Следом за ним встал и его собеседник, для которого этот матч с самого начала не представлял никакого интереса. То, ради чего он сюда пришел, англичанин услышал, и теперь ему предстояло все это тщательно проанализировать, причем не одному, а с его отцом, влиятельным сотрудником Форин-офиса, имевшим выходы на высшие правительственные круги Великобритании.

27 апреля 1983 года, среда.

Москва, Старая площадь, здание ЦК КПСС, 5-й этаж, кабинет Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Андропова

Помощник генерального секретаря Павел Лаптев вошел в кабинет своего шефа без стука, как он делал это сегодня уже неоднократно. Андропов сидел в соседней с кабинетом комнате отдыха и смотрел телевизор. Сегодня на стадионе имени Ленина в Лужниках проходил отборочный матч чемпионата Европы по футболу – играли сборные СССР и Португалии. Была середина первого тайма и счет был минимальный – 1 : 0 в пользу советских футболистов. Тот первый гол, забитый Федором Черновым на 16-й минуте игры, Лаптев успел застать – в этот момент он как раз находился перед телевизором. Олег Блохин после стремительного рывка по флангу обыграл у углового флажка португальского защитника Минервина Пьетру и сделал великолепную передачу верхом на дальнюю штангу. Вратарь Паулу Бенту покинул ворота, пытаясь прервать передачу, но опоздал. Первым к мячу подоспел Чернов и, находясь под острым углом к воротам, мягким ударом вытянутой вперед ноги послал мяч точно в сетку ворот.

Войдя в комнату отдыха, Лаптев застал Андропова сидящим в кресле с чашкой чая в руке. На экране цветного «Рубина» разворачивалась очередная атака советской сборной. С мячом был капитан команды Александр Чивадзе, который выдал точный пас прямо на ход Хорену Оганесяну. В это время Андропов краем глаза заметил в дверях своего помощника и бросил на него вопросительный взгляд. Было видно, что появление помощника его интересовало больше, чем очередная атака советских футболистов.

– Все нормально, Юрий Владимирович, операция проходит успешно – Музаффаров арестован.

Имелась в виду секретная операция КГБ, которая в эти самые минуты проходила в далекой Бухаре – областном центре Узбекской ССР. Там силами местных и московских чекистов затевалось дело, которое чуть позже получит название «узбекского». Главной его целью был вовсе не арест мелкой сошки – главы бухарского ОБХСС, а «подкоп» под 1-го секретаря ЦК Компартии Узбекистана Шарафа Рашидова.

Лаптев работал с Андроповым вот уже на протяжении четверти века. Они познакомились во второй половине 50-х, когда будущий генсек возглавлял Отдел ЦК КПСС по связям с социалистическими странами, а Лаптев служил у него референтом по Албании. Затем, став в 1967 году шефом КГБ, Андропов взял туда и Лаптева, устроив его на должность начальника Секретариата, который был сродни Общему отделу ЦК КПСС – то есть, концентрировал в себе все секреты ведомства. Так Лаптев стал самым доверенным человеком председателя КГБ, хранителем секретов. А с февраля 1979 года он стал личным помощником Андропова как члена Политбюро ЦК КПСС. И все эти годы Лаптев не переставал поражаться способности своего шефа мастерски плести паутину интриг против своих потенциальных противников,

большинство из которых даже не подозревали о том, какую участь готовит им Андропов. Вот и лидер Узбекистана пребывал в неведении относительно того, какую каверзу приготовил ему его соратник по Политбюро. И со спокойной душой еще вчера отбыл в Афганистан, чтобы участвовать в торжествах по случаю пятилетия Апрельской революции. Домой Рашидов должен был вернуться лишь завтра – как раз к тому моменту, когда основные фигуранты операции «Эмир» были бы уже нейтрализованы. Именно от них должна была потянуться ниточка непосредственно к Рашидову, который, принадлежа к самаркандскому клану, был тесно связан с представителями клана бухарского. Именно поэтому, собственно, Андроповым и была выбрана Бухара, как место главного удара в операции «Эмир». Впрочем, выбирал не только Андропов – деятельное участие в этом принимал и Лаптев, который, еще со времен своего «албанского» прошлого, тоже умел плести такого рода паутину. С тех пор вместе с Лаптевым Андропов разработал несколько подобных операций – в Азербайджане в 1969 году (против Вели Ахундова), в Грузии в 1972 году (против Василия Мжаванадзе), в Краснодарском крае в 1981 году (против Сергея Медунова), в Москве в 1982 году (против Виктора Гришина) и так далее.

Во всех этих делах главным элементом разоблачения было обвинение в коррупции. Это был беспроблемный вариант, поскольку никто лучше КГБ не знал о том, где и в каких масштабах распространилось это зло. Ведь именно Лубянка не только собирала компрометирующий материал на всех высокопоставленных советских чиновников в стране (причем в обход негласного запрета, который нарушался по велению самого же высшего руководства страны), но и непосредственно участвовала в вовлечении многих из них в коррупционные сети для того, чтобы иметь потом рычаг давления на них. Широкой же общественности эти разоблачения подавались под видом системной борьбы с коррупцией. Хотя на самом деле это были всего лишь клановые войны, должные сместить с шахматной доски неудобные высшим руководителям страны политические фигуры.

С воцарением в Кремле Юрия Андропова первым в этой клановой войне пал бывший глава МВД Николай Щелоков. Следом должны были пасть Сергей Медунов, глава Московского горкома и член Политбюро Виктор Гришин (для его компрометации с осени 1982 года КГБ начал в столице облаву на нечистых на руку махинаторов от торговли) и глава Узбекистана Шараф Рашидов. Причем к каждому из них у Андропова были свои претензии, но было одно обстоятельство, которое их объединяло – все они мешали либо лично Андропову, либо кому-то из приближенных к нему людей в их притязаниях на высшую власть. Например, Щелоков мог занять пост заместителя Председателя Совета Министров СССР или даже секретаря ЦК КПСС, а Медунов, будучи главой Краснодарского края, который был главным конкурентом Ставропольского края, где властвовала андроповская креатура Михаил Горбачев, мог стать главой правительства РСФСР. Случись это, и Андропову пришлось бы иметь дело сразу с двумя сильными личностями, занявшими весомые посты и никогда не скрывавшими своих антипатий к шефу КГБ.

Та же история была с Гришиным и Рашидовым. Причем первый был опасен для Андропова особенно – даже еще больше, чем Щелоков и Медунов. Ведь Гришин был членом Политбюро, который вот уже более полутора десятка лет возглавлял самую влиятельную в масштабах страны вотчину – Московский горком, в партийной организации которой состояло большинство членов Политбюро, а также министров и других влиятельных чиновников из партийно-государственного аппарата. Чтобы осадить Гришина в его возможных притязаниях на пост генсека и была задумана «Операция “Мосторг”». По задумке Андропова, человек, который допустил разгул коррупции в столице СССР, просто не имел права претендовать на высший пост в стране.

Что касается Рашидова, то до поры до времени лидер Узбекистана не представлял для Андропова никакой угрозы в его притязаниях на высшую власть. Ведь Рашидов даже не был

членом Политбюро, на протяжении 21 года (единственный случай в истории!) обитая в его «предбаннике» – оставаясь все это время всего лишь кандидатом в высший партийный ареопаг. Но в самом начале 1982 года все вдруг резко изменилось.

Ретроспекция

23 марта 1982 года, вторник.

Ташкент, гостевая резиденция Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева

Когда Шараф Рашидов вошел в просторный кабинет, выделенный для Брежнева, тот лежал на диване, накрытый пледом и смотрел в потолок. Но едва генсек услышал шаги на пороге, как взгляд его переместился сначала на гостя, а затем на стул, который стоял напротив дивана. Это было беззвучным приглашением гостю занять пустующее место. Несколько минут назад на этом стуле сидел личный врач генсека Михаил Косарев, который провел очередной осмотр Брежнева, около двух часов назад пережившего страшное событие – аварию на ташкентском заводе имени В. П. Чкалова. Во время осмотра предприятия на делегацию во главе с Генеральным секретарем обрушилась металлическая конструкция с людьми, в результате чего Брежнев и сопровождающие его лица (в их числе был и Рашидов) едва не погибли. К счастью, все обошлось благополучно (серьезно пострадал лишь один человек – прикрепленный (охранник) генсека Владимир Собаченков), однако медицинский осмотр, проведенный в резиденции, обнаружил травму и у Брежнева – у него была сломана правая ключица. Врачи предложили ему немедленно завершить визит в Узбекистан и срочно вернуться в Москву, однако генсек эту рекомендацию отменил с порога. И на это у него были веские причины. Во-первых, он должен был лично наградить республику орденом Ленина за большой вклад в народное хозяйство страны. А во-вторых (и это было главным в его визите), ему надо было переговорить с Рашидовым на весьма конфиденциальную тему, которая не терпела отлагательств. И так получилось, что этот разговор Брежневу пришлось вести, будучи не в самом лучшем состоянии. Именно с этого генсек и начал свой разговор с Рашидовым, едва тот уселся на стул:

– Вот видишь, Шараф, я планировал поговорить с тобой тет-а-тет по завершении моей поездки, а вышло так, что сделаю это в ее начале. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

– Леонид Ильич, вам бы отдохнуть как следует – поспать, – сделал осторожную попытку возразить генсеку Рашидов.

– Не до сна мне теперь, Шараф, – вздохнул Брежнев. – Боюсь не успеть перед тем, как засну вечным сном. Мне ведь недолго осталось землю топтать.

– Что вы говорите, Леонид Ильич, – в голосе Рашидова генсек уловил не деланную, а подлинную тревогу за свое здоровье.

– Я знаю, что говорю, – продолжил Брежнев. – Мы с тобой люди уже не молодые, поэтому можем говорить без всяких красивостей. Жить мне осталось немного, поэтому мне не безразлично, в чьи руки попадет наше общее хозяйство – наша с тобой страна.

– У вас на этот счет есть какое-то беспокойство?

– Конечно, есть, как и у тебя, кстати, тоже. Наш чекист закусил удила и всерьез нацелился на мое место.

Рашидов прекрасно понял, о ком именно идет речь – о Юрии Андропове.

– А если он придет к власти, то я не уверен в том, что нашей стране это пойдет во благо, – продолжил свою речь Брежнев. – Этот аскет, обозленный на весь мир, может загубить все дело, которому отдавали столько сил как мы, так и наши предшественники.

– Может быть, это к лучшему? – сорвался с губ Рашидова вопрос, который давно не давал ему покоя.

Услышав эти слова, Брежнев на какое-то время опешил. Он как-то по-старчески начал жевать губами, после чего спросил:

– Ты это о чем, Шараф?

– О том, что все течет, все меняется, как говорил Гераклит. Может быть, пришло время начать менять и нашу систему?

– Я разве против изменений? – искренне удивился Брежнев. – Я как раз к тебе и приехал, чтобы обсудить будущие перемены. Но во главе их должен стоять не Андропов и его команда, а совсем другие люди. Этот чекист втянул нас в эту авантюру с Афганистаном, он за нашими спинами начал вести сепаратные переговоры с западными элитами, об истинной цели которых мы с тобой ничего не знаем, но можем только догадываться. Он тянет наверх разных прохиндеев, которые прикрываются партийными билетами, а сами спят и видят, как бы подороже продаться врагам социализма.

– Если все, что вы говорите, правда, почему вы своей властью до сих пор не остановили Андропова? – глядя в глаза собеседнику, спросил Рашидов.

– К сожалению, Шараф, ты не можешь знать всего расклада сил, который за последние несколько месяцев сложился в Москве, – отведя взгляд в сторону, сообщил Брежнев. – А объяснять тебе это подробно я не могу – нет у нас с тобой на это времени. Если бы не сегодняшний инцидент, мы с тобой посидели бы часа три-четыре за моим любимым пловом и чашкой зеленого чая и обсудили всю ситуацию подробно. Но теперь на такие чаепития у нас времени не осталось. Могу сказать только одно: чекисты обложили нас со всех сторон. Даже в Политбюро, где совсем недавно у меня было большинство сторонников, голоса начинают распределяться не в мою пользу. Даже в самом КГБ, в котором у меня было двое проверенных людей возле Андропова – Цинёв и Цвигун – остался только один, так как Цвигун, как ты знаешь, два месяца назад вдруг взял и застрелился. Впрочем, это я так раньше думал, что он застрелился, а теперь у меня есть в этом сомнения.

– Полагаете, что его убили?

– А ты думаешь, что у Андропова и его людей рука дрогнет, если речь идет о власти? – вновь перевел взгляд на собеседника Брежнев. – Впрочем, и у меня бы не дрогнула – чего уж лукавить. Я в свое время Никитку Хруща собирался на тот свет отправить, предложив Семичастному устроить авиакатастрофу. Да тот в штаны наложил – отказался. Так что все мы здесь одним миром мазаны. Но среди нас всех именно Андропов опасен тем, что в этих подковерных штучках большой дока. Уж я-то это больше вас всех знаю, поверь мне на слово.

– Я в этом никогда и не сомневался, – честно признался Рашидов. – Только кто же его взрастил на нашу голову?

– Упрек принимаю, но только отчасти, – возразил Брежнев. – У меня ведь почему другого выхода не было? За Андроповым сам Отто Куусинен стоял. А он еще со сталинских времен заведовал нашей международной партийной разведкой. Все тайные пружины наших взаимоотношений с социалистическими и западными компартиями на нем замыкались. Он все ходы и выходы там знал, все финансовые потоки курировал. И Андропова именно он своим учеником сделал, а потом Хрущу его рекомендовал. А затем уже и я эту эстафету принял. Поскольку нельзя нам было без Андропова – он после смерти Куусинена в 64-м все его связи за рубежом наследовал. Потому и на Лубянку его отправили – чтобы ему было легче всем этим хозяйством заведовать, валюту для нашей страны зарабатывать на разного рода тайных операциях. Он и заведовал, а попутно мускулы стал наращивать, чтобы мое кресло в будущем занять.

Здесь Брежнев замолчал, чтобы перевести дыхание. Было видно, что долго говорить ему все еще трудно, но и не делать этого он не мог – ему надо было обязательно открыться перед Рашидовым, поскольку другой такой возможности могло и не представиться. Что касается его собеседника, то он предпочитал лишь слушать генсека, хотя не со всем, что он говорил, был согласен. Рашидов всегда удивлялся, почему Брежнев так долго (дольше всех остальных генсе-

ков) держит Андропова на посту председателя КГБ – пятнадцать лет! Если бы он каждые пять лет назначал на этот ключевой пост разных людей, то сегодня ситуация была бы совершенно иной. Впрочем, Рашидов догадывался о тайных пружинах того, почему Андропов превратился в фигуру непотопляемую. Судя по всему, он нужен был Брежневу, как человек, который помог самому генсеку оставаться на своем посту. Не случайно в структуре КГБ именно Андропову генсек поручил курировать два важнейших подразделения – внешнюю разведку (выход на западные элиты) и охрану парт- и госноменклатуры (сбор компромата на нее). И теперь, когда Брежнев внезапно «прозрел», хватит ли у него сил и возможностей, чтобы переиграть хитрого чекиста? Вот о чем думал Рашидов, сидя перед больным генсеком. А тот между тем продолжал свою речь:

– То, что Андропов на мое место нацелился, мне стало окончательно понятно после того, как он нас в афганскую авантюру затянул. Я ведь почему на нее клюнул? Во-первых, Афганистан нам нужен как наш союзник, а во-вторых – там наркотики выращивают, а наша разведка хотела на этот трафик руку наложить, чтобы валюту в бюджет страны зарабатывать. Расчет был, что мы быстро порядок там восстановим и сможем этот трафик контролировать. А вышло вон как – уже третий год идет, как мы оттуда выйти не можем. Да и значительную часть валюты от наркотиков кто-то явно из наших себе прикарманивает. А это колоссальные деньги. Если так дальше пойдет, они на эти деньги сдадут страну с потрохами. Вот во что Андропов нас всех втянул. Да и вояка Устинов ему в этом деле здорово подсобил.

– Получается, зря вы его в свое время вместо Гречко на министерство обороны бросили, – посетовал Рашидов.

– Кто бы кого учил, – покачал головой Брежнев. – Ты сам-то боевого партизана Эджку Нордмана из своего КГБ убрал, чтобы вместо него Мелкумова посадить. А он теперь на стороне Андропова играет – против тебя компромат собирает.

На этот упрек Рашидов не нашелся чем ответить – это было истинной правдой. В начале 1978 года он приложил все силы, чтобы выдавить из республики председателя КГБ Узбекской ССР Эдуарда Нордмана. Рашидов пошел на этот шаг под влиянием Левона Мелкумова – первого заместителя Нордмана в КГБ, который предоставил главе республики, казалось бы, весомые факты против своего шефа. Как выяснилось чуть позже, эти факты были липой. Но поезд, как говорится, уже ушел – Нордмана отправили работать старшим офицером связи при окружном УМГБ в ГДР.

После этого короткого экскурса в прошлое с взаимными упреками разговор вновь вернулся к прежней теме.

– Что же вы задумали, Леонид Ильич? – после короткой паузы первым нарушил молчание Рашидов.

Прежде, чем ответить, Брежнев сделал легкое движение рукой, приглашая собеседника поближе к себе. Что Рашидов и сделал, подавшись всем телом вперед.

– На ноябрьском пленуме я хочу провести серьезные перестановки, чтобы отодвинуть Андропова от власти, – начал свою речь Брежнев. – Я введу новый пост Председателя партии, который займу сам. На место Генерального секретаря, который будет вести политическим руководством, поставлю Володю Щербицкого. А в кресло Первого секретаря ЦК посажу либо тебя, либо Гейдара Алиева. При таком раскладе Андропов останется всего лишь секретарем ЦК, отвечающим за идеологию. А это лишь четвертая по значимости должность в нашей партийной иерархии. Убрать этого чекиста вообще я пока не могу. Единственное, что я смог – это после смерти Суслова сделал его всего лишь секретарем, а не вторым секретарем ЦК, хотя он очень этого добивался.

В этот миг в дверь постучали. Следом за этим в дверном проеме появилась фигура Владимира Медведева – одного из руководителей личной охраны Брежнева.

– Леонид Ильич, только что позвонили из больницы – с Володей Собаченковым все хорошо, – сообщил важную новость шефу телохранитель.

– Спасибо, Володя, передай ему от меня привет, – ответил Брежнев.

Едва дверь закрылась, генсек снова перевел взгляд на Рашидова:

– Ну, как ты смотришь на мой план, Шараф?

– Почему вы выбрали нас с Гейдаром? – вопросом на вопрос ответил Рашидов.

– Потому что за Андроповым стоят кавказцы, – ответил Брежнев. – Как мне сообщил Цинёв, грузинские и армянские цеховики активно выводят деньги за границу и часть из этих средств участвует в афганской войне на стороне моджахедов. Спрашивается, зачем? Кавказцам выгодно, чтобы война в Афганистане продолжалась, чтобы мусульмане убивали друг друга. А тут еще Иран со своей исламской революцией, давшей под зад американцам. Вот они и нашли подход к кавказским диаспорам у себя, а заодно и на наших вышли. К тому же ты же знаешь, что происходит в Грузии и Армении по части интернациональной дружбы – там она осталась только на словах. Боюсь, рано или поздно главы этих республик взорвут страну. То ли дело в Азербайджане или здесь у вас, в Узбекистане. Да и могут ли узбеки вести себя иначе, если они в войну столько миллионов советских людей у себя приютили?

– Спасибо, Леонид Ильич, – и ладонь Рашидова легла на руку генсека.

– Не за что, Шараф, мы с тобой фронтовики, а таких среди нас мало осталось – раз, два и обчелся. Тот же Андропов всю войну в Петрозаводске отсиживался, прикрываясь большими почками.

Сказав это, Брежнев отвел взгляд в сторону, и какое-то время лежал молча. А Рашидов не хотел его беспокоить – было видно, что генсек заметно устал и держится из последних сил. Наконец, генсек снова обратил свой взор к собеседнику и продолжил:

– Андропов нас всех переживет и на наших костях пляски устроит, если мы ему в этом не помешаем. Зашлет, к примеру, сюда своих архаровцев под видом чистки авгиевых конюшен.

– Я бы и сам здесь чистку начал, так ведь вы не даете, – посетовал Рашидов.

– Начнешь, Шарафчик, обязательно начнешь – только не сейчас, – встрепенулся Брежнев. – Нельзя нам раньше времени раскрываться. Вот проведем ноябрьский пленум, введем тебя в Политбюро, тогда и прижмешь хвост своим мздоимцам. Никто возражать не будет, если мы в очередной раз почистим партию от хапуг и карьеристов. Короче, ты согласен с моим планом?

– Могли бы и не спрашивать, Леонид Ильич, – не медля ни секунды, ответил Рашидов.

– Вот и отлично, – не скрывая своего удовлетворения, произнес Брежнев. – Я, как только рука заживет, с Володей Щербицким на связь выйду. А в сентябре к Гейдару заеду – у меня по плану официальный визит в Азербайджан намечен. И с божьей помощью одолеем мы этого чекиста.

27 апреля 1983 года, среда.

Москва, Старая площадь, здание ЦК КПСС, 5-й этаж, кабинет Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Андропова

О том, что во время своего визита в Узбекистан Брежнев имел встречу тет-а-тет с Рашидовым, Андропов узнал практически сразу – как только генсек вернулся в Москву. Однако о подробностях этой беседы Андропов осведомлен не был. Но чутьем опытного спецслужбиста и царедворца он сразу учуял, что за этой беседой стоит нечто большее, чем простой визит вежливости со стороны главы республики по отношению к престарелому гостю, который едва не погиб в твоей вотчине. После того, как в январе 82-го Брежнев вытащил Андропова из КГБ и сделал его всего лишь секретарем, а не вторым секретарем ЦК, бывший главный чекист понял – началась подготовка к тому, что именно в этом году решится вопрос о том, кто наследует

кресло Генерального секретаря. И судя по той информации, которой тогда обладал Андропов, ситуация складывалась отнюдь не в его пользу.

В конце мая 82-го к Андропову на прием напросился глава московского УКГБ Виктор Алидин. Сообщение, которое он принес, было ошеломляющим. Оказывается, в обстановке строжайшей секретности Брежнев вылетел на несколько часов в Киев (Алидину сообщил об этом начальник подразделения управления, оперативно обслуживающего Внуковский аэропорт). И это случилось спустя всего лишь два месяца после поездки генсека в Узбекистан! А когда в самом начале сентября (2-4-го) Брежнев еще один раз слетал в Киев и эти поездки нигде в официальных отчетах не упоминались, вот тогда Андропову стало окончательно понятно, что все эти вояжи имеют под собой определенную цель – таким образом Брежнев пытается изменить расположение фигур на шахматной доске в свою пользу. Причем Андропову в этом раскладе не светит ничего хорошего. Стало окончательно понятно, для чего Виталия Федорчука вызвали из Киева и назначили председателем КГБ – для того, чтобы в будущем сложился тандем Щербицкий – Федорчук. А чуть позже к Андропову поступило еще одно агентурное сообщение, из которого явствовало, что одним тандемом (украинским) дело не ограничится. Что на горизонте маячит еще один тандем – мусульманский. В сообщении говорилось, что во время сентябрьской поездки Брежнева в Азербайджан он собирается привлечь на свою сторону Гейдара Алиева, сделав его членом Политбюро, как и Рашидова. И все это должно было произойти на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС. При этом если «украинский» крен в стратегии Брежнева был не новым, то «мусульманский» (в обход кавказскому) был совершенно неожиданным и таил в себе радикальное преобразование всего будущего расклада политических сил на кремлевском Олимпе. Естественно, согласиться на такой расклад бывший шеф КГБ никак не мог. Он еще готов был стерпеть украинца Владимира Щербицкого на посту Генсека, но вынести двух мусульман еврей Андропов был не в силах. Это нарушало все тайные договоренности, которые существовали у него с западными партнерами, как по линии спецслужб, так и по линии партаппарата. Надо было срочно осуществлять мероприятия самого радикального характера.

В итоге буквально накануне ноябрьского Пленума ЦК КПСС Брежнев оставил этот бранный мир. И все его задумки, которые он активно претворял в жизнь на протяжении последних нескольких месяцев, канули в лету вместе с ним. По сути, зеркально повторилась история тридцатилетней давности, когда после смерти Сталина было похоронено его желание резко омолодить высший партийный ареопаг. То же самое сделал и Андропов, став новым Генеральным секретарем ЦК КПСС. Он пресек любые поползновения к тому, чтобы ввести в партии новые должности, сосредоточив всю власть в единственных руках – в своих. После чего начал процесс по устранению своих главных противников из когорты брежневских выдвиженцев. Сначала пал всесильный глава МВД Николай Щелоков, теперь наступила очередь и лидера Узбекистана Шарафа Рашидова. Причем «заход» в его вотчину начался издали и с территории все того же ведомства Щелокова – операция «Эмир» была закамуфлирована под борьбу с нечистыми на руку милиционерами. От них ниточка должна была потянуться к работникам торговли и партийным деятелям, с помощью которых планировалось выбить компромат на Рашидова и его окружение. А широким массам все это должно было быть преподнесено, как борьба с нечистыми на руку мздоимцами. Даже самое массовое из искусств, кино, было привлечено к этому делу. И с февраля по апрель 1983 года на советские экраны вышли сразу несколько фильмов, герои которых борются с коррупцией: французские «Жертва коррупции», «Черная мантия для убийцы» и итальянский детектив с выразительным названием «Следствие с риском для жизни». И хотя в этих картинах речь шла о западных коррупционерах, однако люди, дающие «добро» на выход этих фильмов на советский экран скопом (а такого плотного потока фильмов на эту тему до этого еще не бывало) прекрасно отдавали себе отчет в том, какие мысли будут посещать зрителя после просмотра этих картин. И мысли эти лежали на

поверхности: не пора ли и нам не только говорить о коррупции в полный голос, но и бороться с ней? Короче, Андропов и его команда все правильно просчитали и действовали по тщательно разработанному плану.

Ретроспекция.

21 февраля 1983 года, понедельник.

Москва, Старая площадь, здание ЦК КПСС, 5-й этаж, кабинет Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Андропова

Практически весь февраль выдался для Юрия Андропова жарким – события, одно другого важнее, следовали, как из рога изобилия. И на все надо было реагировать, чтобы не выпустить инициативу из своих рук. Причем работать приходилось на двух направлениях сразу – как на внешнем, так и на внутреннем.

Именно в феврале по каналам внешней разведки Андропову доложили, что американцы готовятся подложить ему «большую свинью» – собираются начать разрабатывать систему стратегической оборонной инициативы. Она подразумевала под собой завоевание господства в космосе, создание противоракетного «щита» США для надежного прикрытия всей территории Северной Америки посредством развертывания нескольких эшелонов ударных космических вооружений, способных перехватывать и уничтожать баллистические ракеты и их боевые блоки на всех участках полёта. Если эта программа осуществится (а на ее внедрение американцы собирались затратить более 25 миллиардов долларов), то это создаст большие проблемы для советской экономики, которая однозначно не сможет вынести бремя адекватного ответа. Впрочем, дело было не только в деньгах, но и в технологическом аспекте, поскольку Москве попросту не хватит соответствующих ресурсов, не хватит технического потенциала. Ведь Советский Союз на десять лет отставал от Америки в области электроники и компьютеров, а также значительно опаздывал в других наиважнейших технологиях третьей революции – электрооптических приборах, компьютерной технике, использовании сигналов для уменьшения возможности засекать летающие объекты радарными и термолокационными, а также в системах дальней связи.

Аналитические службы докладывали Андропову, что стремительное развитие технологии уже дважды в прошлом вызвало военные «революции». Первая датирована 20-ми годами XX века, когда на смену кавалерии пришли корабли и самолеты. Вторая революция произошла в 50-е годы, когда ядерные боеголовки, размещенные в баллистических ракетах, пришли на смену обычным бомбардировщикам и обычным бомбам. В обоих случаях боевое оружие поднималось на новую ступень развития. И во всех случаях Москве почти удавалось догнать Запад. Но с третьей революцией все обстояло иначе. Использование новых технологий – микроэлектроники и компьютеров в военных системах – несло еще больший вызов, поскольку подталкивало к высокому качеству производства, а это не было самой сильной стороной Советского Союза. А тут еще американцы создали секретный Комитет разведки по делам передачи технологий с базой в штаб-квартире ЦРУ Лэнгли. Единственным заданием Комитета и его 22-х отделов было следить за закупками технологий странами советского блока.

Между тем на одной программе СОВЕЩАНИЕ дело не замыкалось. Как доложили Андропову, американцы стали еще активнее, чем раньше, интересоваться советским экспортом нефти, поскольку он приносил СССР огромные доходы. Именно нефть являлась для Кремля самым большим источником экспортных поступлений, принося порой половину советского дохода твердой валюты. И вот, как стало известно Андропову в начале 1983 года, министерство финансов США в течение полугода провело тайные исследования способов установления цен на мировом рынке нефти. В документе сообщалось, что оптимальная цена нефти для США должна быть около 20 долларов за баррель, то есть значительно ниже 34 долларов, обязательных для 1983 года. В то время США ежегодно тратили 183 миллиарда долларов для закупки 5,5

миллиарда баррелей нефти. В том числе на импорт приходилось 1,6 миллиарда баррелей. Падение цен на мировом рынке до 20 долларов уменьшало бы американские расходы на энергию на 71,5 миллиарда долларов ежегодно. Это означало бы прибавку к доходу американским потребителям на уровне одного процента существующего роста национального дохода. В докладе утверждалось, что если бы Саудовская Аравия и другие страны «с доступными нефтяными ресурсами увеличили производство и добычу с 2,7 до 5,4 миллиона баррелей ежедневно, то это вызвало бы падение цен на нефть на мировом рынке на 40 процентов, что в итоге было бы полезно для Соединенных Штатов и катастрофично для СССР».

В той же секретной справке внешней разведки, легшей на стол Андропова, сообщалось, что в начале февраля этого года два сотрудника департамента энергетики США отправились в Лондон, где встретились с английским министром энергетики Нигелем Лоусовом. Целью визита было склонить к официальному понижению цен нефти и увеличению ее добычи в Северном море. Ведь очень скоро Москва должна была пустить газ по газопроводу в Европу и если цена нефти не понизится, то Европа переключится на газ. Это была бы неслыханная прибыль для Кремля. Поэтому американцы видели Англию в роли катализатора, который мог бы понизить цены на нефть. Запасы Северного моря могли бы значительно повлиять на это.

Кроме этого, в справке сообщалось, что в конце февраля шейх Бандар из Саудовской Аравии должен встретиться с несколькими высшими чиновниками из администрации Рейгана, в том числе с директором ЦРУ Биллом Кейси и министром обороны Каспаром Уайнбергером. Саудовцам было бы желательно, чтобы их интересы понимались в контексте ситуации на Ближнем Востоке. Ливан лежит в руинах, а кровавый ирано-иракский конфликт висел над регионом как дамоклов меч. Сирия и Израиль в любую минуту могли начать войну. Надо всем регионом также висела угроза хомейнизма. Манипулируя этими проблемами, американцы вполне могли уговорить саудовцев на то, чтобы те играли по «их правилам» на нефтяном рынке.

Все эти события вынуждали Андропова на поиски адекватных контрмер с целью изыскания любых возможностей, чтобы снизить риски финансовых расходов. Именно для этого практически весь февраль Главнокомандующий Объединёнными Вооружёнными Силами государств – участников Варшавского Договора Виктор Куликов разъезжал по социалистическим странам и договаривался с их лидерами по поводу ситуации в Польше. Там с декабря 1981 года действовало военное положение, которое Андропов намеревался в скором времени отменить. По его задумке, это помогло бы в его отношениях с лидерами Западной Европы и, в частности, с ФРГ. Именно для этого их канцлер Гельмут Коль должен был в июле (в момент отмены военного положения) приехать на переговоры в Москву и Киев. И тогда же Андропов собирался предложить Колью маршрутную карту по, ни много ни мало, возможному будущему объединению двух Германий. Тем самым советский лидер убивал сразу двух зайцев: улаживал вопрос с газопроводом в Западную Европу и вбивал клин между ФРГ и Америкой.

А в конце марта Андропов собирался провести в Москве переговоры с генеральным секретарем ООН Пересом де Куэльяртом. И снова генсек из Кремля намеревался потрясти мир своими инициативами – он готов был начать серьезное обсуждение вопроса о выводе советских войск из Афганистана, что чрезвычайно повысило бы рейтинг Андропова в мире и позволило СССР перестать тратить миллиарды рублей на эту войну.

В этом же русле лежали и инициативы Андропова во внутренней политике. В начале февраля он вызвал к себе своего помощника по экономике Аркадия Вольского (с 1969 года тот работал в ЦК КПСС – в частности, в секторе автомобильной промышленности в отделе машиностроения, и имел тесные связи с итальянцами по линии концерна «Фиат») и поставил перед ним задачу: «У нас слишком много субъектов СССР. Давайте сведем их все в 15–16 экономических регионов и сделаем их, как штаты в США. Ведь разделение по национальному признаку не характерно ни одной стране мира, кроме нашей! Образующая нация должна быть погашена. Так что вы продумайте и начертите мне карту этих регионов!».

Нечто подобное в начале 60-х собирался осуществить Хрущев, но ему этого сделать не позволили – отправили в отставку. И вот теперь Андропов решил вернуться к прежней задумке. Согласно этому, СССР дробился на 41 «штат». В 1983 году население СССР составляло около 270 миллионов человек, на каждый штат могло приходиться не более 7 миллионов. В Молдавии проживало 4 миллиона, в Прибалтике – 8 миллионов, в Закавказье – 15 миллионов, в Белоруссии – 10 миллионов, в Казахстане – 15 миллионов, в Средней Азии – 28 миллионов, на Украине – 50 миллионов, в России – 140 миллионов человек. Таким образом, планируемая реформа должна была привести к децентрализации главным образом двух республик: России (около 20 штатов) и Украины (7–8 штатов).

Советские «штаты» должны были иметь свою конституцию и свои законы, то есть иметь такой же статус, как и союзные республики. И главное – Андропов собирался создать межрегиональные рынки, которые должны были стать субъектами рыночных отношений. То есть, это была попытка капитализировать советскую систему. Причем, учитывая, что некоторые из 15 республик уже были весьма серьезно капитализированы (три кавказско-закавказские республики, три прибалтийские и Западная часть Украины), надо было создать условия для такой капитализации и в остальных республиках. И здесь особое место в планах Андропова занимала Средняя Азия и особенно – Узбекистан. Почему именно он? Во-первых, это была самая густонаселенная мусульманская республика – в ней проживало 17,5 миллионов человек, значительная часть которых относилась к трудовому населению. Во-вторых, ее лидер Шараф Рашидов совсем недавно котировался (в планах Брежнева) в качестве возможного руководителя всего СССР и, значит, продолжал представлять собой опасность, как для Андропова, так и для Запада (а с его мнением советский генсек не считаться не мог), которые боялись прихода к власти мусульманина. И, наконец, в третьих, Рашидов имел возможность влиять на ситуацию в соседнем Афганистане, поскольку там проживала большая узбекская диаспора (четвертая по численности в этой стране). И, учитывая плохие отношения Андропова с Рашидовым, советский генсек не хотел, чтобы именно этот человек имел возможность говорить с ним на равных в этом вопросе (впрочем, как и в остальных тоже). Поэтому в планах Андропова было убрать Рашидова с его поста, разгромить его клан (самаркандский) и привести к власти в Узбекистане более покладистых людей из другой группировки, которые не мешали бы генсеку превратить всю Среднюю Азию в донора для ведущих рыночных «штатов» Советского Союза. Именно для этого и была задумана операция «Эмир», для обсуждения которой в Москву был вызван председатель КГБ Узбекской ССР Левон Мелкумов.

– Я познакомился с вашей запиской, Левон Николаевич, и считаю предложения, изложенные в ней, вполне разумными, – обратился Андропов к главному чекисту Узбекистана, когда тот занял свое место напротив генсека. – Но у меня возник вопрос: вы хотите начать операцию с Бухары, а не с Самарканда, потому что вы сами родом из последнего?

Мелкумов был коренным самаркандцем, появившемся на свет в 1924 году в семье торгового работника. В среде чекистов это был нонсенс – чтобы выходец из торговой среды был принят на службу в КГБ. Но это случилось еще при жизни Сталина – в 1950 году, когда два влиятельных клана – кавказский (Л. Берия) и закавказский (А. Микоян) усиленно тянули наверх своих людей. Вот Мелкумов тогда и поднялся, перейдя на работу в МГБ из комсомольских рядов (он занимал должность секретаря Самаркандского обкома ЛКСМ по кадрам).

Между тем среди самаркандского клана Мелкумов все равно считался чужаком. Собственно, именно поэтому Андропов и протасил его в 1978 году на должность председателя КГБ Узбекистана – как своего возможного союзника в будущем. Рашидов же был вынужден согласиться на его назначение только потому, что у Мелкумова были прочные связи с армянской элитой в Узбекистане, а через нее он имел выход и на номенклатуру в самой Армении. Однако руководитель Узбекистана тоже прекрасно понимал, на чьей стороне будет играть этот

«чужак» в случае, если ситуация в республике вступит в зону политической турбулентности. Так оно и вышло.

– Бухара более провинциальный город, Юрий Владимирович, поэтому, нанеся удар там, мы не рискуем вспугнуть наших клиентов раньше времени, – ответил на вопрос генсека Мелкумов. – К тому же, как я написал в своей записке, «бухарцы» являются союзниками «самаркандцев» и с их помощью мы легко выйдем на последних.

– А если они успеют сгруппироваться и пойдут в отказ?

– Мы постараемся, чтобы этого не случилось. Мы же не зря выбрали работников ОБХСС – там есть к чему придраться. Через них выйдем на облторг, а оттуда – на обком партии, глава которого Каримов является ставленником Рашидова. А попутно забросим сети и в столицу – в Ташкент, в республиканское МВД, которое курируется «самаркандцами».

– Каримов является номенклатурой партии, поэтому на первоначальном этапе трогать его я не разрешаю, – предупредил гостя Андропов, который не хотел прямого столкновения с Константином Черненко, контролировавшим партаппарат. – Вы можете только обозначить его как возможного фигуранта нашей операции – то есть, послать сигнал Рашидову, но не более. А вот министра внутренних дел Эргашева трогать можно. Но из вашей записки я так и не понял, у вас серьезный компромат на него или нет?

– У нас есть материалы на людей из его ближайшего окружения, которые мы собираемся использовать в нужном нам направлении. Эти же материалы выводят нас и на Юрия Чурбанова.

– Его тоже пока трогать не будем, – таким же категоричным тоном, как и в случае с Каримовым, возразил на эти слова Андропов. – Наши главные клиенты – Рашидов и его люди. Если у вас не хватает материалов на кого-то из них, мы вам поможем. Я дам распоряжение товарищу Лаптеву, и он позаботится об этом. Вы лучше скажите мне, как отнесутся узбеки к тому, что мы выведем из сферы наших интересов предпринимателей кавказского происхождения, которые не должны пострадать? В вашей записке об этом ни слова.

– Узбеки очень толерантный народ, поэтому больших проблем с этим быть не должно.

– Я бы на вашем месте за весь народ не отвечал, – постукивая карандашом по поверхности стола, произнес Андропов. – Поэтому я разрешаю захватить в наши сети и кое-кого из кавказских. Но из числа мелкой сошки – чтобы не было лишних разговоров. А чтобы вам в этом вопросе было полегче, мы пришлем к вам из Москвы нескольких человек. Они усилят вашу группу, а заодно дадут понять нашим клиентам, что Москва держит руку на пульсе этого дела.

– Спасибо, Юрий Владимирович, – поблагодарил генсека Мелкумов.

– Благодарить будете после завершения дела, – ответил Андропов и добавил: – Причем, удачного завершения. Наша задача создать вокруг Рашидова такую ситуацию, чтобы к июньскому Пленуму он понял, что его дни во власти сочтены. Его отставка позволит нам «зачистить» и его соратников, которые, я надеюсь, после его отставки не будут слишком строптивыми.

– Но я продолжаю сомневаться в Грекове – не подкачает ли? – высказал неожиданное сомнение Мелкумов.

Речь шла о втором секретаре ЦК КП Узбекистана Леониде Грекове, который работал в этой республике вот уже седьмой год.

– Не волнуйтесь, не подкачает – у него в этом деле есть свой интерес, – ответил Андропов. – Ему обещано, что в случае падения Рашидова, он, наконец-то, покинет так надоевший ему Узбекистан. Ведь вы же не хуже меня знаете обстоятельства его попадания туда.

Мелкумов знал эту историю. В 1976 году Греков занимал должность 2-го секретаря Московского горкома и однажды, когда его шеф Виктор Гришин был в отпуске, неожиданно приехал на заседание Президиума исполкома Моссовета. И застал там его главу Виктора Промыслова... крепко спящим прямо в президиуме. Участники заседания, пользуясь этой

«отключкой», занимались, кто во что горазд, превратив важное мероприятие черт знает во что. Грекова это, естественно, возмутило и он поставил перед Гришиным вопрос об отставке Промыслова. Но он не знал, что жена последнего дружила с супругой Брежнева. В результате этого пострадал вовсе не Промыслов, а сам Греков – его отправили в ссылку – в Узбекистан. Ехать туда он не хотел из-за тамошнего жаркого климата, но и отказаться тоже не мог, следуя партийной дисциплине. Однако все эти годы он лелеял мечту выбраться из этой республики. И теперь этот шанс у него появился. Перед ним поставили конкретную задачу: помочь сместить Рашидова, после чего его вернут обратно в Москву с повышением. Если же он с этим заданием не справится, то столицы ему не видать – в лучшем случае, отправится куда-нибудь послом.

– А если все же Рашидов встанет в позу и не захочет уходить – может, ударить по нему с хлопковой стороны? – предложил неожиданный вариант Мелкумов. – Этот удар «самаркандцы» вряд ли переживут – ведь они традиционно отвечают за сельское хозяйство.

– А это не отразится на сдаче хлопка стране? – не сводя настороженного взгляда с собеседника, спросил Андропов.

– Я думаю, вряд ли, учитывая, что Усманходжаев, которого вы рассматриваете как преемника Рашидова, человек весьма исполнительный.

Андропов на какое-то время задумался, все так же негромко постукивая карандашом по столу. Наконец, он вновь поднял глаза на гостя:

– Нет, рисковать не будем – хлопковый компромат прибережем на будущее. Он пригодится, когда мы исчерпаем все другие возможности. Нельзя с первого же захода выбрасывать на стол все свои козыри.

Часть первая

Капкан Андропова, или Зубы дракона

15 июня 1983 года, среда.

**Москва, проспект Калинина,
Московский Дом книги**

Вот уже два дня в Кремлевском Дворце Съездов проходил Пленум ЦК КПСС, на который съехались несколько тысяч делегатов из всех союзных республик. Первый секретарь ЦК КП Узбекистана Шараф Рашидов был одним из них и, как кандидат в члены Политбюро, занял сегодня свое законное место в президиуме этого представительного форума. Между тем за пределами Дворца Съездов Рашидова терпеливо дожидались двое его помощников: водитель правительственной «Чайки» Андрей Леонидов из кремлевского гаража и прикрепленный (сотрудник охраны) Батыр Каюмов. И пока первый коротал время за чтением газеты «Советский спорт», второй решил прогуляться по городу. Миновав два поста охраны возле Троицкой и Кутафьей башен Кремля, Каюмов двинулся в сторону проспекта Калинина, раскинувшего свои владения буквально по соседству – на противоположной стороне. Было утро среды, разгар рабочего дня, поэтому на улицах города было немногочисленно.

Каюмов шел по правой стороне проспекта, не оглядываясь назад, поэтому не видел, как следом за ним шел молодой человек, стартовавший вместе с ним от Кутафьей башни. Это был сотрудник 7-го управления КГБ (наружное наблюдение), входивший в мобильную группу из четырех человек, специально прикрепленную к Рашидову и его окружению. Остальные участники группы – женщина и мужчина – в эти мгновения находились в автомобиле «Волга», которая, обогнав Каюмова, двигалась на средней скорости в потоке машин, направляясь в сторону метро «Арбатская».

Поравнявшись с магазином «Военторг», Каюмов остановился у стеклянной витрины и бросил взгляд на прохожих, которые шли за ним. Их было трое: пожилая женщина с хозяйственной сумкой в руках, юноша, уминавший мороженое и мужчина, на ходу куривший сигарету. Именно он и был сотрудником «наружки» – топтуном. Когда Каюмов спустя несколько десятков метров снова бросил взгляд назад, ни женщины, ни юноши видно не было, зато мужчина по-прежнему шел за ним, но уже без сигареты, которую он успел докурить.

Тем временем «Волга» доехала до Гоголевского бульвара и оба сотрудника наружки выбрались из автомобиля и рассредоточились – женщина осталась на углу у киоска «Союзпечати», а ее напарник прошел чуть вперед до Дома связи, зайдя внутрь него и заняв позицию за стеклянными дверями. Находясь на своих позициях, они должны были дождаться своего первого напарника, чтобы принять от него объект – Каюмова, который не спеша двигался прямо в их сторону. Первой это должна была сделать женщина, которая делала вид, что изучает прессу, выставленную за стеклом киоска. Такая слежка на языке «наружников» называлась «каруселью».

Когда Каюмов поравнялся с киоском «Союзпечати», первый сопровождающий свернул на Гоголевский бульвар, а его напарница стартовала от киоска и пристроилась за Каюмовым, двигаясь в пятнадцати метрах от него. Когда он прошел Дом связи, женщина свернула в его двери, а наблюдение за Каюмовым уже продолжил третий «топтун» – тот, что все это время стоял внутри Дома связи. Он и довел объект наблюдения до Дома книги – огромного книжного магазина, открытого в год пятидесятилетия Великого Октября в 1967 году. Входя внутрь, Каюмов еще раз обернулся, но мужчину, сопровождавшего его от «Военторга» не увидел, что несколько успокоило его. Поднявшись на второй этаж, он зашел в отдел книг по искусству.

Следом за ним поднялся и «топтун», который остановился у соседнего отдела, откуда ему были прекрасно видны действия объекта наблюдения.

Постояв у прилавка, Каюмов попросил продавщицу показать ему увесистый фолиант, посвященный средневековой живописи. Это была дорогая книга за сорок пять рублей, что равнялось половине средней зарплаты советской медсестры или уборщицы. Положив книгу на прилавок, Каюмов стал медленно ее листать, делая вид, что с интересом разглядывает иллюстрации. Вскоре в середине фолианта он нашел небольшой клочок бумаги, который полчаса назад для него оставил человек, тоже бравший эту книгу для просмотра. И в тот момент, когда продавщица отошла к другому покупателю, Каюмов скомкал бумажку в кулаке, после чего поблагодарил работницу магазина и вернул ей книгу, сопроводив это действие словами:

– Хорошая книга, но дороговата для моего бюджета.

После этого Каюмов для вида обошел еще несколько отделов и даже взял для просмотра еще пару книг. Но, так и не купив ни одну из них, он покинул магазин, взяв обратный курс на Кремль. Задание, которое ему поручили, он выполнил. В записке было обозначено время и место экстренной встречи Рашидова с его московским информатором, у которого появилась срочная необходимость встретиться с первым секретарем для конфиденциального разговора особой важности.

15 июня 1983 года, среда.

Москва, Орехово-Борисово, конспиративная квартира на Домодедовской улице

Старший инспектор уголовного розыска 160-го отделения милиции города Москвы Алексей Игнатов сидел на тесной кухоньке конспиративной квартиры и, глядя в окно на втором этаже обычной панельной девятиэтажки, ждал прихода своего агента. В это время по радио передавали последние известия. Строгий голос диктора сообщал, что сегодня закончил свою работу Пленум ЦК КПСС, на котором были произведены серьезные кадровые перестановки. Сообщалось, что Пленум вывел из состава ЦК КПСС бывшего министра внутренних дел Николая Щелокова и бывшего первого секретаря Краснодарского обкома КПСС Сергея Медунова за допущенные ошибки в работе. Последние слова в сообщении буквально резали слух – давно уже советские люди не слышали подобных формулировок в отчетах о работе Пленумов ЦК КПСС. Впрочем, Игнатова это сообщение не удивило, поскольку о тех тучах, которые сгустились над головой Щелокова, он знал не понаслышке. Более того, он и сам пострадал от них же.

Еще в декабре прошлого года, когда после смерти Леонида Брежнева министра внутренних дел сняли с его должности и отправили в отставку, начались полномасштабные чистки непосредственно в самом МВД. Туда был прислан новый глава – недавний «главный чекист» страны Виталий Федорчук, который по приказу нового генсека Юрия Андропова устроил в щелоковской вотчине настоящий кадровый погром, увольняя со службы даже не десятки, а сотни людей. Попал под эту «метлу» и Алексей Игнатов, который почти полтора десятка лет прослужил в «убойном» отделе Московского уголовного розыска, дослужившись до звания майора и должности замначальника отдела с прекрасной перспективой в будущем возглавить это подразделение. Но с приходом Федорчука ему стало реально светить не повышение, а увольнение со службы вчистую, как это было, например, с самим начальником МУРа Олегом Еркиным. Однако, благодаря титаническим стараниям кадровиков с Огарева, б, Игнатова оставили в милиции, переведя (или сослав) на работу поближе к его дому – в 160-е отделение милиции района Орехово-Борисово (сюда он переехал с Цветного бульвара шесть лет назад вместе с матерью, которая недавно скончалась, оставив сына одного). И вот уже полгода Игнатов работал на «земле» по своему прежнему профилю – ловил душегубов, которых, в некогда безопасной Москве, становилось все больше и больше. Например, пару недель назад недалеко отсюда, в доме на Ореховом бульваре, был убит неизвестными ветеран войны Николай Кузь-

мич Лиознов, у которого были похищены его боевые награды – два ордена Красной Звезды, два ордена Славы, один орден «За отвагу» и ряд других ценных наград времен войны. С тех пор Игнатов буквально «рыл носом землю» в поисках убийц, но пока, увы, безрезультатно. Впрочем, сегодняшняя встреча с агентом Вячеславом Цыплаковым по прозвищу Цыпа могла внести определенные коррективы в эти поиски. Цыпа, вернувшись с «зоны» полтора года назад, где он мотал срок за угоны автомобилей, обладал обширными связями в криминальной среде и вполне мог нарыть нечто интересное и по факту убийства ветерана войны. Во всяком случае, Игнатов на это сильно надеялся.

Тем временем новости по радио закончились, и начался вечерний концерт легкой эстрадной музыки. Открыла его композиция популярной латвийской группы «Зодиак», музыка которой весьма импонировала Игнатову. Однако насладиться любимыми ритмами сыщику было не суждено – в дверь позвонили условным звонком: три коротких и один длинный. Пришлось встать со своего места и идти открывать.

Первое, на что обратил внимание Игнатов при виде долгожданного гостя, был стильный портфель-дипломат из натуральной кожи в его руке, который до этого он никогда у него не видел. Дипломат был обычный, отечественный, однако в руках у Цыпы выглядел инородной вещью, которая входила в явную дисгармонию с внешностью его обладателя – Цыпа был небольшого роста, имел пивной живот, который он сам называл «мозолью», и большие залысины. Поэтому первое, что произнес Игнатов, закрывая за гостем дверь, было:

– Цыпа, тебе впору носить рюкзак или авоську, но вовсе не дипломат.

– Вы, как всегда, правы, начальник – это не моя «чемодана», – ответил Цыпа, проходя в прихожую.

– Ты хочешь сказать, что ты его у кого-то одолжил? – не скрывая своего удивления, спросил Игнатов.

– «Одолжил» – не то слово, – продолжая держать дипломат в руках, ответил Цыпа. – Правильным будет сказать, что я его скоммуниздил. Но бог мне свидетель, я просто не смог удержаться. Я ведь, как с зоны откинулся, ни разу в руки отмычку не брал – повода не было. А тут по дороге к вам увидел возле «Белграда» роскошный «мерседес» голубого цвета. Верите – не машина, а сказка. Причем явно не из нашей округи – я бы такой сразу заметил. Вот и захотелось проверить – не отвыкли ли мои пальчики от работы. И вы представляете, начальник, я вскрыл эту немецкую «банку», быстрее, чем наши «Жигули» – за полминуты. Даже сигнализация не сработала. А тут, как назло, на заднем сиденье, вот этот красавчик. Ну, я и прихватил его машинально.

– Цыпа, ты же знаешь, что это 144-я статья – тайное похищение чужого имущества, – процитировал гостю статью из уголовного кодекса РСФСР Игнатов. – А если этот дипломат принадлежит еще и иностранному подданному, то это отягчает наказание.

– Да не хрена он ему не принадлежит, – отмахнулся Цыпа. – Хозяин этой штуковины явно наш подданный, а не иностранный. В этом чемодане, которому кто-то дал красивое название «дипломат», шаром покати – кроме говеной газеты «Советский спорт» и такой же кассеты с фото пленкой ничего больше нет. И такие люди ездят у нас в «мерседесах» – куда катится мир?!

– Тогда понятно, почему ты с ходу сознался в краже – по причине отсутствия в дипломате материальных ценностей, – высказал догадку Игнатов.

– Не только поэтому, начальник, – мотнул головой Цыпа. – Я же мог его выбросить по дороге, чтобы не светиться. Но не сделал этого. А все почему? Вас вспомнил. Вы завтра отнесете его к себе на работу и получите поощрение за оперативное раскрытие кражи. Но только без упоминания имени вора. Мы же с вами одно дело делаем как-никак.

– Ладно, оставь дипломат в прихожей и проходи в комнату – нам делом надо заниматься, а не лясы точить, – приказал гостю Игнатов и первым прошел в гостиную, где уселся в кресло.

Следом за ним прошествовал и Цыпа, который опустил свое брненное тело в соседнее кресло и первое, что сделал, достал из кармана рубашки пачку «Примы». Но Игнатов не дал ему извлечь на свет сигарету:

– Курить не будем – хозяйка запретила.

Обладателем этой конспиративной квартиры была пенсионерка, которая полжизни прослужила в милиции и теперь подрабатывала таким вот образом – предоставляла свою жилплощадь бывшим коллегам для тайных встреч с агентурой. Сама хозяйка на это время уходила из дома к своей дочери, жившей неподалеку, под предлогом свидания с внучкой.

– Ну, что расскажешь, Цыпа, по нашему делу? – спросил Игнатов.

– Рассказывать особо и нечего, – возвращая пачку обратно в карман, ответил Цыпа.

– Так прямо и нечего? – усмехнулся Игнатов.

– Ну, есть одна новостишка, которую мне сорока на хвосте принесла.

– Тогда рассказывай – не тяни kota за хвост.

И в тот самый миг, когда Цыпа собирался поделиться своей важной новостью, в прихожей снова раздалась трель дверного звонка. На этот раз вполне себе обычная – одинарная. Игнатов взглянул на свои наручные часы – до возвращения хозяйки было еще добрых полтора часа. Значит, это была не она. Тогда кто? Не успел он об этом подумать, как звонок раздался снова. Стало понятно, что это не ошибка – кто-то явно хотел попасть в квартиру. Цыпа собрался было встать со своего места, но Игнатов остановил его резким движением руки и тихим шепотом:

– Сядь и не дергайся!

После чего сыщик поднялся с кресла и, осторожно ступая, подошел к двери. И в тот миг, когда он к ней приблизился, в дверь стали стучать. Затем снова раздалось звонки, причем неоднократные. Ситуация создавалась опасная – этот шум мог привлечь внимание соседей. А этого Игнатов как раз и не хотел. Поэтому, когда в дверь снова стали стучать, сыщик принял решение – повернул ручку дверного замка.

На пороге он увидел мужчину средних лет с челкой, свисавшей на лоб, и кривым боксерским носом.

– Вам кого, товарищ? – спросил у незнакомца Игнатов.

– Если ты хозяин, то тебя, – ответил мужчина.

После чего его взгляд скользнул вниз и уперся в дипломат, лежавший на тумбочке.

– Разве тебя не учили, что чужие вещи брать нехорошо? – снова переведя взгляд на Игнатова, спросил незнакомец.

– А вас не учили обращаться к незнакомым людям на вы? – вопросом на вопрос ответил Игнатов.

– Учили, – кивнул головой мужчина, после чего взгляд его колючих глаз несколько подобрел. – Извините покорно, но тот дипломат, который лежит у вас за спиной, полчаса назад принадлежал мне.

– Надо же, как удачно все вышло – а я собирался завтра утром отнести его в милицию, – расплылся в улыбке Игнатов. – Представляете, нашел его на улице, лежащим на газоне.

– Вообще-то он лежал у меня в машине, но это неважно, – улыбкой на улыбку ответил незнакомец. – Главное, что он нашелся. Можно мне его забрать?

– Конечно, можно, если вы точно его хозяин, – Игнатов продолжал закрывать дверной проем, не впуская гостя в квартиру.

– Вы хотите, чтобы я вам это доказал? – вскинул брови вверх мужчина. – Пожалуйста. В нем находятся сегодняшний номер газеты «Советский спорт» и кассета с фотопленкой. Я жену с ребенком фотографировал и эти фотографии мне очень дороги. Не будь их, я бы про этот дипломат чертов и не вспомнил.

Услышав это, Игнатов сделал шаг в сторону и впустил нежданного визитера в прихожую.

– Большое спасибо, – произнес мужчина, забирая кейс с тумбочки. – Разрешите раскланяться?

– Интересно, а как вы меня нашли? – не скрывая своего удивления, поинтересовался Игнатов.

– А разве это так важно? – улыбнулся незнакомец и тут же продолжил: – Добрые люди помогли.

«Интересно, какие такие люди могли навести его на эту конспиративную квартиру?» – подумал Игнатов.

Однако, чтобы узнать об этом, требовалось расспросить незнакомца.

– Можно взглянуть на ваши документы? – спросил сыщик, делая шаг вперед и снова заслоня собой выход из квартиры.

– Это еще зачем? – насторожился незнакомец. – Я ведь назвал вам вещи, которые находятся в дипломате.

– Но это вовсе не означает, что данные вещи принадлежат именно вам, – продолжал быть непреклонным Игнатов. – В отличие от паспорта, который убедит меня в вашей добропорядочности.

– Не буду я показывать вам свои документы, – решительно заявил незнакомец. – И вы не милиционер, чтобы требовать от меня этого.

– Вот здесь вы не угадали, – и Игнатов извлек на свет свое служебное удостоверение, раскрыв его перед лицом незнакомца.

Взглянув на «корочку», мужчина заметно напрягся – на его скулах заходили желваки, глаза прищурились. В этот миг Цыпа встал со своего места и тоже вышел в прихожую, встав за спиной у незнакомца. Заметив это, мужчина покачал головой:

– Двое на одного – нехорошо.

– Боже упаси – просто покажите документы и идите себе на здоровье, – как можно миролюбивее произнес Игнатов.

В глубине души он все еще надеялся, что ситуация разрешится самым мирным образом. Но он ошибся.

Рука незнакомца скользнула во внутренний карман пиджака, чтобы достать искомый документ. Но вместо этого наружу было молниеносно извлечено нечто совершенно иное – нож с выкидным лезвием. В следующую секунду незнакомец сделал шаг назад и с разворота полоснул ножом по лицу Цыпы. Тот захрипел и, обливаясь кровью рухнул на пол. А незнакомец сделал выпад вперед, пытаясь достать ножом уже Игнатова. Но тот был начеку – не зря столько лет прослужил в убойном отделе и исправно посещал занятия в спортивном зале, где их обучали не только боевому самбо, но и другим единоборствам.левой рукой отбив выпад противника, он кулаком правой руки нанес незнакомцу резкий удар в голову. От неожиданности тот выронил из рук «дипломат», однако с ножом не расстался. И попытался вновь вонзить его в сыщика, на этот раз уже снизу, целясь в живот. Но Игнатов и здесь не оплошал – наложив ладони одна на другую, сделал «вилку», с помощью которой перехватил руку противника в запястье и крутанул ее снизу вверх. Ноги незнакомца взмыли в воздух, и он рухнул на пол, выронив нож. В ту же секунду Игнатов сделал попытку поднять его с пола, но мужчина сильным ударом ноги в грудь отбросил сыщика к двери. Ударившись затылком о дверной косяк, Игнатов на долю секунды потерял концентрацию, и этого мгновения хватило его противнику, чтобы одним броском вскочить на ноги. Поднимать нож у него не было времени, поэтому он обрушил на сыщика град ударов кулаками, целясь в голову. Но Игнатов умело отбивал эти выпады, выставляя блоки, а затем и сам пошел в атаку. Ударом ноги по бедру противника, он заставил его слегка пригнуться, после чего нанес ему еще один мощный хук – на этот раз снизу в подбородок. От этого удара незнакомец буквально улетел в комнату, по пути споткнувшись о хрипящего Цыпу и спиной завалившись на пол. Не давая ему опомниться, Игнатов в три

прыжка очутился в комнате и сделал попытку нанести удар ногой. Но незнакомец успел перехватить его ступню в полете и, вывернув ее в сторону, отбросил сыщика в угол. А сам вскочил на ноги и попытался выскочить в коридор. Но в это время Цыпа, который все еще был в сознании, схватил его рукой за брючину. Этих мгновений хватило Игнатову, чтобы настигнуть незнакомца и, схватив его за ворот пиджака, втянуть обратно в комнату. Мужчина попытался достать сыщика ударом локтя, но тот уклонился в сторону, успев опрокинуть противника на пол подсечкой. Однако падая, незнакомец увлек вместе с собой и Игнатова.

Оказавшись на полу, сыщик схватил с журнального столика вазу и швырнул ее в мужчину. Но тот ловко перехватил ее в миллиметре от своей головы и, вскочив на ноги, попытался использовать вазу как ударный инструмент. Игнатов ловко уворачивался от ударов, отступая в коридор, но затем улучил момент, подпрыгнул и ударом ступни в голову отбросил незнакомца в дальний угол комнаты – туда, где было окно на улицу. Уходя из дома, хозяйка оставила его открытым, чем и воспользовался незнакомец. Одним махом он запрыгнул на подоконник и сиганул вниз, благо это был всего лишь второй этаж. Игнатов бросился было за ним, но когда оказался на подоконнике, то услышал за спиной хрипы Цыпы. Всего лишь секунду он раздумывал, как ему поступить дальше, после чего спрыгнул с подоконника и бросился к истекающему кровью агенту. Удар ножа угодил в шею, поэтому, стянув с себя рубаху, Игнатов обмотал ее вокруг раны, а сам бросился на кухню к телефону, чтобы вызвать «скорую». Промедление в этом деле равнялось цене человеческой жизни.

15 июня 1983 года, среда.

Ташкент, водный Дворец спорта имени Митрофанова

Сидя на лавке и вытирая полотенцем мокрую голову, Геннадий Красницкий с интересом наблюдал за тем, как в бассейне, из которого он сам пару минут назад выбрался, несколько мальчишек устроили стайерский заплыв. Как выяснилось вскоре, самым быстрым из них оказался смуглый узбечонок с выбритой наголо головой, который с помощью ловкого брасса обставил всех своих конкурентов, оторвавшись от них уже посередине заплыва.

– В былые годы мы с тобой, Геннадий, плавали не хуже, – раздался рядом с Красницким, хорошо знакомый ему голос.

Он принадлежал другу его детства Виктору Звонареву, с которым они, будучи такими же вот мальчишками, устраивали длительные заплывы в канале Анхор.

Встав со своего места, Красницкий обнял друга, после чего они уселись на лавку, стоящую в самом углу бассейна, где почти не было посетителей. Звонарев вытянул вперед правую ногу, которую он повредил еще в юности, а инкрустированную трость, с которой никогда не расставался, пристроил рядом, прислонив ее к скамейке.

– Мы бы и сейчас могли дать фору этим мальчишкам, – продолжил Красницкий тему, начатую его приятелем.

– Не знаю как ты, Красный, а я уже старый, чтобы тягаться с молодыми, – покачал головой Звонарев.

– Что-то ты рано списываешь себя со счетов, Звонарь – нам с тобой слегка за сорок, – и Красницкий перевел взгляд на приятеля.

– Ты забываешь про мою ногу, которая с возрастом здоровее не становится.

– Для футбола она и в самом деле малопригодна, но не для плавания, – продолжал гнуть свое Геннадий.

– Ты же знаешь, что футбол я всегда любил больше всего на свете, – напомнил другу о своем главном пристрастии Звонарев. – Помнишь, как мы с утра до вечера гоняли мяч примерно на этом же самом месте?

В годы их детства на месте сегодняшнего водного Дворца спорта находился стадион «Динамо», который чуть позже, когда стадион с таким же названием возник в другом месте

Ташкента, переименовали в «Пищевик». Именно здесь и играли в футбол в далекие 50-е годы ташкентские мальчишки, среди которых были будущая звезда ташкентского «Пахтакора» и сборной СССР Геннадий Красницкий и его школьный приятель Виктор Звонарев.

Ретроспекция.

24 мая 1953 года, воскресенье.

Ташкент, стадион «Пищевик»

– Ну что, «сквер», по гривеннику за проигрыш не слабо? – спросил у 13-летнего Красницкого рыжий паренек его же возраста из района Кашгарка, имея в виду, что в *случае* поражения проигравшая команда должна будет заплатить победителю по десять копеек с каждого проигравшего.

Вместо ответа Красницкий, который вместе со Звонаревым сегодня играл за команду, защищавшую знамена ташкентского микрорайона, расположенного рядом с центральным сквером имени Революции, подставил рыжему свою развернутую ладонь. Тот ударил по ней рукой, что означало – сделка состоялась. В каждой из команд играло по восемь человек, значит, выигрыш должен был составить восемьдесят копеек. Для взрослого это были не самые большие деньги (после недавнего апрельского снижения цен десяток яиц стал стоить 8 рублей 35 копеек, килограмм говядины – 12 рублей 50 копеек, а бутылка водки – 22 рубля 80 копеек), однако для подростков, которые выпрашивали мелочь у родителей, это была вполне приличная сумма. Но любовь к футболу у них была сильнее денег.

Судить игру должен был Анвар – студент физкультурного института, который частенько приходил на «Пищевик» в качестве практиканта – набирался опыта для будущей работы педагогом-физкультурником. Судил он честно, без мухлежа в какую-либо сторону, что, естественно, нравилось далеко не всем. Та же «Кашгарка», например, не любила проигрывать, поэтому частенько наседала на Рустама, требуя от него большей снисходительности в свою сторону. Но тот был непреклонен. Вот и теперь, прежде чем дать свисток к началу игры, он подозвал капитанов команд – Красницкого и рыжего – и заявил им прямо:

– Играем честно. Увижу мухлеж, прощать не буду и апелляции не принимаю.

Игра началась с яростных атак кашгарских, которые стали наседать на ворота «сквера» с левого фланга, где играл рыжий – самый активный их игрок. Но первый же удар, нанесенный им, был ловко перехвачен вратарем оборонявшихся. После чего тот одним броском переправил мяч точно на ногу Звонареву, который играл оттянутого хавбека. Искусно обыграв одного, а затем и второго «кашгарца», Виктор поднял голову и увидел набегающего по центру Красницкого. Последовал филигранный по точности пас прямо в ноги набегающему, и Красницкий, не мешкая ни секунды, ударил по мячу, вложив в этот удар всю свою силу. И выпущенный, будто из пушки мяч, устремился в правый от вратаря верхний угол ворот. Отчаянный бросок юного голкипера не сумел прервать этот прицельный удар из разряда неберущихся. Толпа зрителей, болевших за команду «сквера», вскочила со своих мест, оглашая стадион радостными криками.

«Кашгарцы» начали с центра, но теперь их атака развивалась по правому флангу, где у них играл рослый парень примерно на год старше всех остальных своих партнеров. Он ловко обыграл на замахе защитника из «сквера», но вместо того, чтобы пробить самому, навесил мяч в центр штрафной, куда успел переместиться рыжий парень. И тот, подпрыгнув выше всех, ударом по мячу головой направил его в левый от вратаря угол. Однако голкипер команды из «сквера» оказался более прыгучим, чем его коллега из противоположных ворот, и в длинном прыжке сумел зафиксировать мяч в руках. После чего ребята из «сквера» начали атаку. И снова она шла через тандем Звонарев – Красницкий, которые действовали настолько слаженно, что защита «кашгарцев» опять оказалась бессильна перед их действиями. Получив мяч от своего партнера, Красницкий в один прием виртуозно обыграл «кашгарского» защитника и, выйдя

один на один с вратарем, не мудрствуя лукаво, одним движением перебросил мяч через его голову в сетку ворот. Счет стал 2 : 0 в пользу «сквера».

Весь остаток первого тайма «кашгарцы» предпринимали отчаянные попытки отквитать хотя бы один мяч, но сделать это им так и не удалось. После чего раздался свисток Анвара, возвестившего о том, что первая половина игры закончена. Игроки обеих команд потянулись к стоявшей возле трибун металлической бочке с питьевой водой, чтобы утолить жажду. Как только Красницкий со Звонаревым сделали это, к ним подошел парень, которого знала вся местная публика – это был Колька-фиксатый. Жил он на Кашгарке, на улице Навои, и пользовался дурной славой отъявленного хулигана, дружившего с уголовниками. Более того, его отец сидел в тюрьме за разбой и недавно пронесся слух, что он вскоре должен вернуться домой, согласно бериевской амнистии.

– Брысь сюда, длинный, – жестом позвал Красницкого Колька.

Геннадий обменялся взглядом со своим другом, после чего они подошли к фиксатому вместе.

– Еще одну «банку» нашим забьете, я вас на ножи поставлю, ясно? – пригрозил ребятам Колька, смачно сплюнул им под ноги и отправился на свое место на трибуне стадиона.

Глядя ему вслед, Звонарев спросил у друга:

– Что будем делать?

– Играть, как играли, – ответил Красницкий и сплюнул на землю точно так же, как это сделал до него фиксатый.

В результате вторая половина матча опять прошла при полном преимуществе ребят из «сквера», которые забили еще три мяча, пропустив в свои ворота всего лишь один. При этом два мяча у «сквера» забил Красницкий, а третий был на счету Виталия Суюнова.

Едва прозвучал свисток арбитра об окончании игры, как Красницкого подозвал к себе незнакомый мужчина средних лет.

– Тебя как зовут, парень? – спросил он у Геннадия.

Когда юный футболист назвал свои имя и фамилию, мужчина сделал то же самое:

– Я Иван Сергеевич Зубарев – футбольный тренер. Видел твою игру – впечатляет. Только вот в пас играть не любишь – сам норовишь гол забить. Но это дело поправимое, если серьезно футболом заниматься будешь. Хочешь попробовать?

– В каком смысле?

– В самом прямом – я тебя в нашу команду приглашаю.

– Я один не пойду, – мотнул головой Красницкий.

– То есть? – удивился тренер.

– Только со Звонарем, – ответил Геннадий и кивнул головой в сторону своего приятеля, который стоял в сторонке и молча наблюдал оттуда за всем происходящим.

– Ах, вот ты о чем, – улыбнулся тренер. – Ну, хорошо, приходите вместе. В воскресенье, в десять утра у нас здесь начнется тренировка.

Всю дорогу до дома друзья бурно обсуждали это событие. И так увлеклись этим делом, что не заметили, как впереди на пустынной улочке им навстречу вышли трое рослых ребят во главе с Колькой-фиксатым.

– Ну, что, шантрапа, решили со мной в дурочку поиграть? – играя желваками, произнес Колька, приближаясь к друзьям. – Сейчас мы вас учить будем старших слушаться. А-то я смотрю...

Однако договорить Колька не успел. Красницкий внезапно сорвался с места и, подбежав к фиксатому, схватил его за ворот рубашки и с помощью подсечки опрокинул на землю, успев крикнуть другу только два слова:

– Звонарь, беги!

Но Виктор не стал спасаться бегством. Схватив с земли камень, он запустил им в одного из друзей фиксатого. Бросок оказался таким же точным, как те пасы, которые Звонарев отдавал сегодня на футбольном поле. Схватившись за лицо, хулиган рухнул на пыльную улочку. А Виктор, не теряя времени, бросился с кулаками на второго хулигана. Но тот не стал искушать судьбу и пустился наутек. Воспользовавшись этим, Звонарев поспешил на выручку своему другу, которого Колька к этому времени успел повалить на землю и уже занес кулак для удара в голову. И тут в лицо ему полета горсть песка, брошенная Звонаревым. Ослепленный этим, Колька сделал шаг назад, оступился и повалился спиной на землю. А когда он, спустя несколько секунд, снова оказался на ногах и выхватил из брючного кармана складной нож, его противников рядом уже не было – они скрылись за ближайшим поворотом.

15 июня 1983 года, среда.

Ташкент, водный Дворец спорта имени Митрофанова

– Жизнь невозможно повернуть назад и время ни на миг не остановишь, – продекламировал Красницкий слова из популярной песни Аллы Пугачевой, которая стала всесоюзным шлягером всего лишь полтора года назад.

Воспоминания о далеком прошлом, которым они с другом неожиданно предалились, как нельзя лучше соответствовали словам из этой песни.

– Кстати, Пугачева в конце августа собирается приехать в Ташкент – будет выступать здесь на творческих вечерах Ильи Резника, – сообщил другу неожиданную новость Звонарев. – Если хочешь, могу достать билеты.

– Спасибо, но боюсь, что в августе меня не будет в Ташкенте, да и мысли мои будут заняты другим, – ответил Красницкий. – Кстати, именно об этом я и хотел с тобой поговорить, приглашая на эту встречу.

– Я так и подумал, что ты не ради экскурсов в прошлое пригласил меня в это место, – признался Звонарев. – Итак, я слушаю.

– Несколько дней назад меня вызывал к себе Рашидов, – после небольшой паузы начал свой рассказ Красницкий. – Он предложил мне возглавить «Звезду».

Речь шла о футбольной команде из родного города Шарафа Рашидова – Джизака, которая выступала в Первой лиге чемпионата СССР. Будучи ярым футбольным болельщиком, лидер Узбекистана особенно сильно переживал за успехи двух узбекских команд: родной для него «Звезды» и не менее родного ташкентского «Пахтакора», у истоков создания которого он стоял в далеком 1956 году.

– Как ты, наверное, знаешь, «Звезда» сейчас скатилась почти в конец турнирной таблицы, занимая восемнадцатое место, и может легко вылететь в низший дивизион, – продолжил свой рассказ Красницкий. – А в лидерах там ходит алма-атинский «Кайрат» – вечный раздражитель для узбеков. Сам понимаешь, для Рашидова такая ситуация не из приятных.

– Вообще-то у него сейчас голова должна болеть о другом, – не скрывая своего удивления, заметил Звонарев. – Чуть ли не вся республиканская элита говорит о том, что Москва собирается устроить нам публичную порку, а у нашего лидера, оказывается, футбол на уме. И вообще, ты же спишь и видишь себя в роли тренера родного «Пахтакора».

– Глупо на это надеяться, если там не плохо все ладится у Иштвана Секеча.

Под руководством этого обрусевшего венгра «Пахтакор» в прошлом году повторил свой рекорд двадцатилетней давности – занял шестое место в чемпионате СССР. А в этом году поставил целью и вовсе совершить невозможное – стать либо чемпионом, либо войти в тройку призеров. И судя по тому, как складывалась ситуация в чемпионате страны, шансы на подобный успех у «Пахтакора» были вполне реальные. Несмотря на то, что он пока занимал лишь седьмое место, однако отставание от лидера, одесского «Черноморца», составляло всего-то три очка. Поэтому мысли поменять Секеча на другого тренера ни у кого в Спорткомитете Узбе-

кистана не было и в помине. Кстати, Звонарев об этом был осведомлен лучше, чем кто-либо другой – он в этом самом Спорткомитете как раз и работал, и именно в отделе футбола. В то время как Красницкий трудился в должности начальника отдела футбола, но только в республиканском ДФСО профсоюзов.

– А вот у Тихонова в «Звезде» дела явно не ладятся, – продолжил свою речь Красницкий.

Речь шла о нынешнем тренере «Звезды» Викторе Тихонове, с которым Красницкий в конце 50-х начинал свою футбольную карьеру в «Пахтагоре». Затем Тихонов играл в команде с таким же названием из Ташкентской области, а в конце 60-х ушел на тренерскую работу: тренировал команды «Чегарачи» и «Автомобилист» из Термеза. А в прошлом году возглавил «Звезду».

– И когда же ты собираешься отбыть в Джизак? – поинтересовался Звонарев.

– В августе, а пока Рашидов попросил меня о другом одолжении – надо съездить в Афганистан.

– На предмет чего? – насторожился Звонарев.

Прежде чем ответить, Красницкий придвинулся поближе к другу и, глядя ему в глаза, сообщил:

– Рашидов сообщил мне по секрету одну новость, которую я никому, кроме тебя, еще не говорил. Но ты как-никак мой самый близкий друг. В июле в Кабуле состоятся некие мероприятия, которые должны способствовать примирению двух враждующих правительственных партий – «Парчам» и «Хальк». Туда собираются пригласить и Рашидова, который, как ты знаешь, имеет большой авторитет среди местных узбеков. И для него эта поездка чрезвычайно важна для укрепления его позиций не только в Кабуле, но и в Москве.

– А ты тут причем? – продолжал удивляться Звонарев.

– При том, что на этих мероприятиях будет устроен футбольный турнир, в котором примут участие три команды: сборная Афганистана, наша «Звезда» и душанбинский «Памир».

Услышав эту новость, Звонарев по достоинству оценил задумку организаторов этого спортивного мероприятия. В Афганистане проживали большие диаспоры узбеков и таджиков, которые с удовольствием должны были наблюдать за противостоянием трех этих команд. Вряд ли бы этот турнир способствовал еще большему сближению этих диаспор, но пропагандистский эффект от него может иметь большой международный резонанс.

– Значит, ты поедешь на этот турнир в качестве тренера «Звезды»? – поинтересовался Звонарев.

– В том-то и дело, что нет. У «Звезды» и «Памира» на данный момент есть тренеры, а вот у афганцев он отсутствует. Ты же, наверное, в курсе, какая сложная там ситуация с футболом?

Звонарев, естественно, об этом знал. Самыми популярными видами спорта в Афганистане всегда считались национальная борьба и травяной хоккей. Причем в последнем афганцы считались сильнейшими в Азии, уступая лишь хоккеистам Индии. На третьем месте по популярности значился футбол, хотя первенство Афганистана по футболу никогда не разыгрывалось. Ведь подобные соревнования всегда связаны с переездами команд из города в город, а железных дорог в Афганистане нет. Зато регулярно проводились игры на первенство Кабула, в котором участвовали порядка 15 клубных команд. Сильнейшими среди них считались «Арионет», «Маореф» и команда Кабульского университета.

Что касается международных успехов, то и здесь похвастаться особо было нечем. На мировой арене афганский футбол появился в 1922 году, когда была создана их Футбольная федерация. Однако с 1930 года и до сего дня афганская сборная ни разу не смогла пробиться на чемпионаты мира, не сумев преодолеть групповой этап. И самое лучшее выступление афганской сборной было в 1951 году на Азиатских играх, на которых команда заняла четвертое место. А с тех пор, как случилась апрельская революция 1978 года и в стране вспыхнула гражданская война, афганцам стало вовсе не до футбола, поэтому на мировой арене они вообще

не котировались. Да и внутри страны этот вид спорта с тех пор был заброшен и за последние пять лет о нем мало кто вспоминал.

– Чья же это инициатива позвать именно тебя на пост тренера сборной Афганистана – неужели Рашидова? – после небольшой паузы задал очередной вопрос Звонарев.

– А ты помнишь такого футболиста Амредина Кареми?

Эта фамилия тут же воскресила в памяти Звонарева события далекого 1961 года, когда в Ташкент приезжали сразу несколько футбольных команд из Афганистана, чтобы провести ряд товарищеских встреч с «Пахтакором». Это были два клуба из Кабула – «Арионет» и «Маорейф», а также олимпийская сборная. Именно в составе последней и выступал защитник Амредин Кареми, о котором сегодня вспомнил Красницкий.

Ретроспекция.

27 августа 1961 года, понедельник.

Стадион «Пахтакор», товарищеская встреча «Пахтакор» – олимпийская сборная Афганистана

Переполненный до отказа стадион буквально замер в ожидании. После сноса на подступах к штрафной площадке афганцев лучшего бомбардира ташкентцев Геннадия Красницкого, судья назначил штрафной удар. Как это было заведено, исполнять его должен был сам пострадавший, у которого был один из самых мощных ударов не только в Узбекистане, но и во всем Советском Союзе. К тому моменту чемпионат СССР уже перевалил за свой экватор и «Пахтакор» успел сыграть двадцать матчей. И в них на долю Красницкого выпало больше всех забитых мячей в команде – пятнадцать. Причем в двух играх он отметился хет-триками (забил по три мяча) – против московского ЦСКА (второй матч сезона) и минской «Беларуси» (четвертый матч). При этом три мяча были забиты Красницким с пенальти (за всю свою футбольную карьеру он пробьет их несколько десятков и только лишь один (!) раз промажет) и еще несколько со стандартов – со штрафных, по части которых этот футболист тоже был большой мастак. Иной раз в одном матче он мог пробивать их по 8-ю штук и один обязательно забивал. Красницкий в команде выполнял роль выдвинутого вперед центра нападения, и защитники соперников в основном вступали в единоборство с ним возле линии своей штрафной площади. Естественно, много фолили, чем и объяснялось такое большое количество штрафных, которые выполнял Красницкий.

В первом матче против кабульского «Арионета», который состоялся два дня назад и где была зафиксирована ничья 2:2, было назначено несколько штрафных. Красницкий пробил четыре из них, однако голами так и не отметился (у ташкентцев забили Идгай Тазетдинов и Юрий Беляков). И вот теперь в матче против олимпийской сборной Афганистана на долю Красницкого выпал первый штрафной, который мог оформиться в первый гол в этом поединке (на тот момент на табло красовались цифры 0:0). Во всяком случае, практически весь стадион ждал от своего лучшего бомбардира именно этого события – гола.

Красницкий взял мяч в руки и аккуратно положил его на траву ниппелем вверх, а дольками покрышки вертикально. Это был его традиционный маневр, который он совершал всегда, когда пробивал штрафной. Именно таким способом он закручивал мяч в сетку ворот. Разобравшись с мячом, Красницкий отошел на несколько метров назад, при этом внимательно наблюдая за действиями соперника. Оценке нападающего была подвергнута «стенка» (как поставлена), позиция вратаря (где стоит). Наконец, когда все эти действия были произведены и судья дал свисток для удара, Красницкий начал свой разбег. Он бежал к мячу, целиком сосредоточившись на нем и не глядя на ворота. Поскольку стенка была выстроена правильно, и вратарь занял самую удобную для себя позицию, Красницкий решил не подрезать мяч ударом внутренней стороной стопы, а «зарядить» по нему пыром – на силу. Расчет был на то,

что стенка дрогнет, расступиться и тогда мяч, как пушечное ядро влетит в ворота точно под перекладиной.

Все так и вышло, как рассчитал Красницкий. Стенка, действительно, дрогнула и расступилась. Однако в последний момент один из игроков афганцев – защитник Амредин Кареми – сначала сделав шаг в сторону, затем внезапно бросился навстречу мячу, выставив вперед свою грудь. И кожаный мяч, превращенный энергией мощного удара в подобие пушечного ядра, буквально впечатался в грудную клетку футболиста, отбросив его на несколько метров назад. Мяч был отбит и в ворота не попал, однако защитник так и остался лежать на газоне, не подавая признаков жизни. Всем присутствующим стало понятно, что случилось нечто экстраординарное.

Первым к своему товарищу бросились афганские футболисты, которые практически сразу стали громко звать к себе врача команды. И тот мгновенно вскочил с тренерской лавочки и бросился на этот зов. Когда он подбежал к Кареми, то сразу определил, что тот находится без сознания. Послушав у него пульс, врач стал приводить в чувство футболиста. Игроки обеих команд столпились вокруг лежащего коллеги, с тревогой наблюдая за происходящим. И ближе всех к Кареми стоял Красницкий, который больше всех чувствовал свою вину за происшедшее. Хотя, естественно, никто и не думал обвинять его в случившемся – ведь все участники этого инцидента были мужчинами, играющими в достаточно жесткую игру под названием футбол.

Наконец, манипуляции врача возымели положительный эффект – пострадавший открыл глаза. А спустя еще несколько минут уже поднялся с газона и сам пожал руку Красницкому, тем самым снимая последние вопросы по поводу его возможной вины в произошедшем. И игра возобновилась снова, причем Кареми наотрез отказался садиться на скамейку запасных и доиграл матч до конца. Он завершился победой ташкентцев со счетом 4:1, причем третий гол забил со штрафного Красницкий. Правда, на этот раз он не стал пугать соперников очередным ударом на силу, а воспользовался «крученым», послав мяч чуть выше стенки в незащищенную вратарем «девятку».

15 июня 1983 года, среда.

Ташкент, водный Дворец спорта имени Митрофанова

– А причем здесь этот парень, которого ты в шестьдесят первом едва не отправил на тот свет? – поинтересовался Звонарев.

– Он теперь возглавляет отдел футбола в афганском спорткомитете и специально приехал к Рашидову, чтобы просить его за меня. Ты ведь знаешь, какое большое значение Шараф Рашидович придает нашим отношениям с Афганистаном.

Вопрос был риторическим, поскольку всем было известно, что именно Рашидов был тем мостиком, который связывал советское руководство с руководителями этой мусульманской страны. Ведь именно в Ташкенте находился штаб Туркестанского военного округа, откуда координировались основные боевые действия советских войск на территории Афганистана (штаб Среднеазиатского военного округа, располагался в Алма-Ате). Именно из Ташкента исходили почти все инициативы и в мирных взаимоотношениях с Афганистаном: сюда приезжали афганские лидеры на переговоры, здесь в большом количестве учились афганские студенты, отсюда на днях должен был начать летать ближайший пассажирский самолет до Кабула (всего полтора часа лета на Ту-154).

– Короче, ты согласился и теперь хочешь узнать мое мнение? – спросил друга Звонарев.

– Не только. Конечно, желание Рашидова для всех здесь закон, но ты сам сказал, какие времена нынче на дворе. Поэтому, если в Спорткомитете кто-то будет тормозить мое назначение в Джизак, вставляя палки в колеса, поспособствуй моему возвращению на тренерскую работу. Ты же знаешь, как я устал от этой канцелярской волокиты – хочу опять к реальному футболу вернуться.

– Видимо, ты во мне сомневаешься, если лично просишь об этом одолжении? Как будто без этой просьбы я бы играл не на твоей, а на чужой стороне?

Красницкий ожидал этого вопроса, но ответил на него не сразу. Сложив вчетверо уже успевшее высохнуть полотенце, он какое-то время наблюдал за плескавшимися в бассейне детьми, после чего, наконец, ответил приятелю:

– В последние годы, Звонарь, ты изменился – стал каким-то чужим.

– А ты не изменился? – вопросом на вопрос ответил Звонарев.

– Наверное, и я тоже, – согласно кивнул головой Красницкий. – Мы все меняемся с возрастом, особенно если судьба возносит нас на вершину власти. А ты, в отличие от меня, вхож в большие кабинеты и рано или поздно можешь возглавить Спорткомитет. Видимо, это заставляет тебя несколько дистанцироваться от былых привязанностей. Но я не в обиде на тебя – жизнь есть жизнь. Я прошу только об одном – в память о нашем общем детстве помочь мне вернуться в большой футбол.

Сказав это, Красницкий повернул голову, чтобы посмотреть другу в глаза. Но тот предпочел не встречаться с ним взглядом. Хотя с ответом не задержался:

– Красный, я, конечно, человек далеко не идеальный, но про наше детство и юность вспоминаю так же часто, как и ты. И ничего из того времени не забыл. Поэтому я постараюсь выполнить твою просьбу. Так что смело поезжай в Афганистан и ни о чем не беспокойся.

– Спасибо, Звонарь, – поблагодарил друга Красницкий и, первым поднявшись со скамейки, направился в раздевалку.

Если бы он вдруг обернулся, то заметил бы пристальный взгляд своего друга, направленный ему в спину. И этот взгляд не сулил бывшему футболисту ничего хорошего.

15 июня 1983 года, среда.

Пакистан, Равалпинди, посольство США, резидентура ЦРУ

Резидент ЦРУ в Пакистане Говард Хант достал из большой коробки, стоявшей на массивном трюмо в его кабинете, гаванскую сигару, с помощью щипчиков откусил у нее головку и щелкнул зажигалкой. Спустя несколько секунд по всему кабинету распространился изысканный аромат отборного табака, выращенного на плантациях далекой от Пакистана Гаваны.

– Знаете, Хью, в чем заключен секрет особенного аромата кубинской сигары? – спросил Хант у своего заместителя Хью Лессарта, возвращаясь в кресло. – Ее начиняют тремя типами листьев – воладо, сэко и лихеро. Этот наполнитель называется бонча и его скрепляет еще один тонкий лист – капа. При этом наиболее важным и создающим основной аромат сигары является средний лист – сэко или форталеса. Именно его мы сейчас с вами и вдыхаем, получая истинное наслаждение.

– Наслаждаетесь вы, мистер Харт, поскольку я человек некурящий и вынужден все это терпеть, чтобы не нарушать субординацию, – ответил шефу его заместитель.

– С каких это пор вы стали некурящим? – искренне удивился Харт.

– С прошлой недели, – и Лессарт извлек из кармана своего пиджака коробочку с леденцами, которые помогали ему бороться с табачным искушением.

– Знаете, что написал по этому поводу Марк Твен? – спросил Харт и тут же продекларировал: – «Бросить курить легко, да я и сам делал это раз сто».

Сказав это, шеф ЦРУ рассмеялся и демонстративно выпустил кольцо дыма в потолок. После чего лицо его стало серьезным, и он вернулся к главной теме их разговора, ради которой, собственно, его заместитель к нему и пришел.

– Итак, Хью, что там за важное сообщение пришло к нам из Кабула?

Речь шла о шифровке, присланной отделом Агентства национальной безопасности (АНБ), расположенным в посольстве США в Кабуле. Это подразделение занималось перехватом линий и средств связи иностранных государств, дешифрованием и обработкой перехва-

ченных материалов. Для этого использовалась сложная электронная аппаратура, установленная на разведывательных спутниках Земли, на кораблях и самолетах специального назначения, на военных базах и других объектах Соединенных Штатов, раскинутых по всему миру, и в зданиях многих дипломатических представительств США за границей. С тех пор как советские войска вошли в Афганистан, кабульское отделение АНБ разработало специальную программу перехвата радиорелейных и радиотелефонных линий связи находящихся в Афганистане вооруженных сил СССР и формирований афганских правительственных войск, действующих против моджахедов. Курировал этот процесс в афганской столице Джек Робертс, который до этого работал в таком же подразделении АНБ в Москве, где он выдавал себя за сотрудника аппарата атташе по вопросам обороны. В сферу его компетенции там входили программы АНБ – ЦРУ – РУМО (разведка Пентагона) под кодовым названием «Кобра эйс» и «Гамма гуппи», нацеленные на «просвечивание» средствами радиоразведки Москвы и Подмосковья. Но год назад Робертс был переброшен в Кабул, где продолжил свою деятельность в качестве электронного разведчика. Перехваченная его подразделением в американском посольстве в Кабуле информация оперативно передавалась Межведомственной пакистанской разведке (ISI) и моджахедам.

Прежде чем ответить шефу, Лессарт извлек из кожаной папки, лежащей перед ним на столе, некий документ, который он передал Харту. Но тот не стал его читать, положил перед собой и произнес:

– Не хочется ломать глаза, дружище. Будет лучше, если вы в общих чертах обрисуете мне смысл этой депеши, если, конечно, в ней действительно есть нечто серьезное. А то я заметил, что в последнее время наши кабульские коллеги кормят нас всякой ерундой, не стоящей и выеденного яйца.

– На этот раз донесение стоящее, мистер Харт, – ответил Лессарт. – В нем сообщается, что наши коллеги из АНБ перехватили разговор Бабрака Кармалы по секретной телефонной линии с советским послом Фикрятотом Табеевым. Кармаль сообщает, что в июле они планируют организовать в Кабуле торжества под названием «Сплоченность и единство», чтобы показать стране и всему миру, что раскол между «Парчамом» и «Хальком» успешно преодолен.

Речь шла о давней вражде между двумя крыльями Народно-демократической партии Афганистана – «Парчам» (Знамя) и «Хальк» (Народ). На первый взгляд в основе этого раскола лежали теоретические различия. Однако на самом деле все было куда более сложнее и серьезнее. Корни этих разногласий лежали практически не в теории, а в традиционных «культурных источниках», а именно – в этнических, социальных, классовых, национальных различиях, в прочном взаимном презрении между кабульцами и провинциалами, в личной приверженности отдельным лидерам (весьма характерная черта у афганцев) и в борьбе за власть между этими лидерами. Так, парчамисты в большинстве своем представляли зажиточные слои населения, были выходцами из процветающих семей, большей частью из интеллигенции. Вот и их лидер Бабрак Кармаль был пуштуном (их среди парчамистов было большинство) и сыном армейского генерала.

Что касается халькистов, то они в основном были уроженцами периферийных районов, причем тоже в большинстве своем пуштуны (меньшинство составляли таджики). Не будучи столь зажиточными, как парчамисты, халькисты были более активными, имели тесные связи с народом и демократическими слоями общества. Среди них чаще встречались служащие низших рангов госаппарата и учебных заведений, инженерно-технические работники предприятий государственного сектора, офицеры младшего состава (особенно ВВС и танковых частей). Халькисты считали себя настоящими революционерами, а парчамистов – выразителями интересов буржуазии.

– И что, это мероприятие действительно может сплотить этих пауков, сидящих в одной банке? – поинтересовался Харт.

– Конечно же, нет – это всего лишь очередная попытка закамуфлировать эту проблему с помощью косметики, – ответил Лессарт. – Видимо, Кармаль пошел на нее, чтобы помочь Андропову в его попытках умиротворить ООН – показать, что Афганистан вполне может справиться со своими внутренними проблемами без активной помощи Советов.

Но все сведущие люди прекрасно понимают, что это неуклюжая попытка выдать желаемое за действительное.

– Тогда что такого ценного в этом сообщении АНБ? – удивился Харт, выпуская изо рта очередную порцию дыма.

– Дело в том, что на эти торжества в Кабул афганское руководство намечает пригласить лидера Узбекистана Шарафа Рашидова и его афганского соплеменника генерала Рашида Дустума.

Этот 29-летний узбек из Афганистана, родившийся в бедной семье дехканина в кишлаке Ходжадукух уезда Шибирган провинции Джаузджан, в 1980 году проходил *учебу* в СССР. А когда вернулся на родину, начал службу в органах госбезопасности просоветского афганского правительства. В 1979 году Дустум вступил в НДПА – во фракцию «Парчам». И тогда же стал командиром 53-й дивизии правительственных войск, состоящей преимущественно из узбеков. Эта дивизия контролировала почти весь север Афганистана, граничивший с Узбекистаном.

Услышав фамилии *двух* этих влиятельных узбеков, Харт на секунду застыл с сигарой в зубах. После чего придвинул кресло поближе к столу и, взяв в руки донесение АНБ, быстро пробежал его глазами. Затем вновь перевел взгляд на своего помощника и спросил:

– Значит, в определенный день сразу двое важных узбеков и Бабрак Кармаль вкуче со своими сподвижниками окажутся в одном и том же месте?

– Совершенно верно, – кивнул головой Лессарт. – В апреле Рашидов был в Кабуле один, а здесь он будет с Дустумом. И у нас есть возможность прихлопнуть их всех одним ударом.

– Но ведь Рашидов и Кармаль стоят на разных позициях по вопросу вывода советских войск из Афганистана, – напомнил своему помощнику известный факт шеф ЦРУ. – Если Рашидов ратует за этот вывод, то Кармаль против него. Поэтому, какой резон нам в таком случае убирать последнего?

– Кармаль пьяница и многим уже надоел – как афганцам, так и русским. Но в Москве не решаются его убрать – там идет борьба за него между КГБ и армией. Ведь вы же знаете, что за Кармалем и его парчамистами стоит КГБ, а за халькистами, которых большинство в афганской армии, стоят советские генералы. Чекисты хотят остаться в Афганистане, военные – в большинстве своем нет. И пока Кармаль жив, этот спор за него может продолжаться вечно. Но если мы его прихлопнем, то возникнет угроза хаоса. При таком раскладе чекисты приведут к власти своего человека – главу афганской госбезопасности Наджиба. Ведь только ХАД огнем и мечом сможет гарантировать сохранение порядка внутри афганского руководства. А это означает, что советские войска останутся в Афганистане еще на достаточно продолжительный срок.

– Толково мыслите, Лессарт, – похвалил своего помощника Харт, вновь откинувшись на спинку кресла.

Его сигара за это время успела потухнуть, поэтому он снова щелкнул зажигалкой. Он был доволен услышанным, поскольку это позволяло ему доложить в Лэнгли план операции по уничтожению сразу трех нежелательных деятелей из числа врагов США и выдать этот план за свой собственный. О своем заместителе Харт в эти минуты не думал. Впрочем, длилось это недолго, поскольку шеф ЦРУ не услышал от Лессарта деталей предстоящей операции. А они у него наверняка были – в этом Харт не сомневался, прекрасно зная аналитические возможности своего заместителя.

– Дружище, вы наверняка уже прикинули приблизительный план этой ликвидации, – вновь обратился к Лессарту его шеф.

– Если вы обратили внимание на донесение, там упоминается футбольный турнир «Дусти», по-афгански «Дружба», на кабульском стадионе Гази, на финале которого должны присутствовать интересующие нас объекты, – продолжил свой доклад Лессарт. – Я навел справки. Этот стадион находится в центре города, вместимость – более тридцати тысяч зрителей. Кстати, в 1963 году на нем давал свой концерт Дюк Эллингтон в рамках своего турне, спонсируемого нашим госдепартаментом. Но это так, к слову. Короче, лучшего места для того, чтобы одним ударом накрыть всю верхушку, придумать трудно.

– Но ведь стадион будет охраняться не двойным, а тройным кольцом охраны, – резонно предположил Харт.

– Значит, надо попытаться подобраться к ним не снаружи, а изнутри стадиона.

– И у вас уже есть план, как это сделать?

– Пока нет, но у нас есть в запасе ровно месяц – достаточное время для того, чтобы детально обсосать эту акцию.

– Ну, что же, Хью, вы славно поработали, – похвалил своего заместителя Харт. – Ступайте и обсасывайте эту идею дальше. А я пока пососу свою сигару.

«Лучше бы ты пососал мой член», – выругался про себя Лессарт, поднимаясь со стула. Он прекрасно знал, что его шеф наверняка сразу после его ухода свяжется с Лэнгли, чтобы приписать все лавры этой операции себе. Но Лессарту было на это наплевать. В отличие от своего шефа, который родился в семье инженера, а в Пакистан был прислан из Ирана, где он участвовал в неудачной операции по освобождению американских заложников, Лессарт был потомственный разведчик, для которого интересы дела всегда были важнее почестей и наград.

16 июня 1983 года, четверг.

Москва, Орехово-Борисово, Домодедовская улица, 160-е отделение милиции.

Начальник отдела уголовного розыска майор Илья Белоус внимательно разглядывал, разложенные на столе фотографии, которые принес Алексей Игнатов. На снимках было изображение японской миниатюрной скульптуры, похожей на брелок. Изделие было изображено одно и то же, но с самых разных ракурсов и различной величины. Скульптура представляла собой композицию, на которой некий мужчина восседал верхом на черепахе.

– Где-то я подобное уже видел, – разглядывая очередную фотографию, произнес Белоус.

– Судя по всему, в кино, Илья Максимович – три года назад по телевидению прошел детский телефильм «Каникулы Кроша», где речь шла именно о таких вот скульптурках, – напомнил начальнику события недавнего прошлого Игнатов. – Нэцкэ называются.

– Да, точно – с сыном как раз это кино и смотрели, – подтвердил слова сыщика майор. – Получается, из-за этих вот фотографий тот неизвестный мужик отправил Цыпу в реанимацию, да и тебя едва не подрезал?

– Я тоже так считаю, поскольку делать это из-за газеты «Советский спорт» смысла нет никакого, – согласился Игнатов.

– Кстати, про газету – в ней что-то интересное имеется? – поднял глаза на подчиненного майор.

– Судя по всему, она была куплена не в киоске, – сообщил Игнатов. – Внизу на первой странице есть карандашная пометка из двух цифр – шесть и двенадцать. Так делают почтальоны, указывая номер дома и квартиры, где обитает подписчик газеты. Она, кстати, свежая – номер от 13 июня. Есть еще одна любопытная пометка на третьей странице – там, где указаны результаты футбольных матчей за прошедший тур. Так вот один матч выделен – обведен шариковой ручкой. Это игра между ереванским «Араратом» и ташкентским «Пахтакором» от 11 июня. Узбеки победили 2:1.

– Где играли?

– В том-то и дело, что в Ереване. Ташкентцы в этом сезоне отменно выступают – вполне могут и чемпионами стать.

– Значит, владелец этой газеты болельщик «Арарата» или «Пахтакора». Это нам что-нибудь дает?

– Дает – что иголку придется искать в бо-о-ольшом стогу сена, – усмехнулся Игнатов. – Впрочем, в дипломате была еще одна штуковина, которая гораздо интереснее всего остального.

Произнеся это, сыщик расстегнул пуговицу на нагрудном кармане рубашки и извлек на свет небольшой предмет из пластмассы, который был похож на большую пуговицу, и положил его на стол. Взяв предмет в руки, Белоус стал внимательно его разглядывать. После чего вопросительно посмотрел на Игнатова.

– Как мне объяснили эксперты из нашего РУВД, это радиомаяк, – дал свое пояснение сыщик. – Он был спрятан в боковом кармашке чемодана-дипломата.

– А про пальчики на дипломате эксперты ничего не говорили?

– Их там вагон и маленькая тележка, но результаты по ним, сами понимаете, будут не сразу.

Майор снова взял в руки радиомаяк и после небольшого осмотра задал Игнатову очередную вопрос:

– Что думаешь по поводу этой штуковины? Как я знаю, в наших магазинах она не продается.

– Вот именно, – согласно кивнул головой Белоус. – Это импортная вещица, которую обычно используют за границей для поиска пропавших предметов. Иногда ими оснащают даже домашних животных, чтобы найти, например, пропавшую кошку. А порой и детей такими штуками метят, чтобы далеко от дома не убежали. Вы же знаете, какая там преступность – киднеппинг называется.

– Лично я не знаю – не бывал, – честно признался майор, после чего добавил: – Но газеты регулярно читаю, особенно рубрику «Два мира – две преступности».

Положив радиомаячок на стол, майор поднялся со стула и подошел к раскрытому настежь окну, выходящему на проезжую часть Домодедовской улицы. Достав из кармана кителя пачку «Пегаса», Белоус извлек из нее сигарету, отправил ее в рот и щелкнул зажигалкой. Сделав глубокую затяжку и выдохнув дым в окно, майор вновь обернулся к Игнатову и спросил:

– Получается, этот неизвестный с ножиком вычислил вас по радиомаячку?

– Да, есть такой приборчик – радиопеленгатор называется, – ответил Игнатов. – Действует в радиусе километра. А приехал этот неизвестный на «мерседесе» – это мне Цыпа успел рассказать в момент своего прихода.

– Как он, кстати? – поинтересовался судьбой пострадавшего Белоус.

– Пока без сознания в Склифе, – сообщил Игнатов. – Но врачи говорят, что надежда есть.

– Значит, будем надеяться на нашу медицину – самую бесплатную в мире, – резюмировал Белоус. – А вот что касается этого бандюгана, то он, судя по всему, по границам мотается, если у него в дипломате был импортный радиомаячок, а сам дипломат он оставил в машине иностранного производства.

– Судя по внешнему виду, на иностранца или дипломата он не тянет, – высказал свои сомнения Игнатов. – Разве что на спортсмена.

И сыщик взял со стола фоторобот преступника, который он лично помогал создавать вчера поздно вечером эксперту. С фотографии на него смотрело лицо, почти стопроцентно похожее на вчерашнего незнакомца.

– Но спортсмены как раз по границам частенько разъезжают, – продолжал делиться своими соображениями Белоус. – Да и аэропорт Домодедово у нас под боком. Ты запрос в ГАИ подавал – в Москве таких машин все-таки немного?

Вместо ответа Игнатов кивнул головой, а сам тем временем спрятал радиомаячок в карман и стал собирать в стопку фотографии со стола.

– Кстати, и эти нэцкэ тоже указывают на то, что хозяин этих фотографий может иметь выходы на границу, – возвращаясь от окна к столу, произнес Белоус. – Здесь явно коллекционеры завязаны – нэцкэ-то, видать, не простое. Может, «конторских» подключить – чего нам с этим бандюганом возиться?

– У меня после увольнения из МУРа к чекистам серьезные претензии, – возразил на это предложение начальника Игнатов. – Сам попробую разобраться. Начну с нэцкэ – у меня через два часа как раз встреча с одним коллекционером назначена. А потом, даст бог, и другие результаты нарисуются – из ГАИ и про пальчики на дипломате.

16 июня 1983 года, четверг Ташкент, парк имени Тельмана

Найдя одинокую скамейку на дальней парковой аллее, Виктор Звонарев опустился на нее и блаженно вытянул вперед правую ногу, которая изрядно устала, пока ее хозяин шагал по достаточно обширной территории парка. Последний был открыт в 1934 году и назван в честь знаменитого немецкого коммуниста Эрнста Тельмана, казненного во время войны фашистами в концлагере Бухенвальд. В годы своей юности Звонарев частенько приходил сюда со своими друзьями, чтобы покататься на аттракционах и поиграть в шахматы. А еще здесь был зоопарк, который тоже привлекал к себе толпы ташкентской ребятни. Однако с тех пор утекло много воды, и Звонарев уже успел забыть, когда в последний раз он бродил по тенистым аллеям этого парка, вдыхая аромат, который источали растущие здесь липы, каштаны и акации. Поэтому, когда его куратор из КГБ назначил ему местом встречи именно этот парк, Звонарев в глубине души обрадовался возможности оказаться в тех местах, которые он помнил с детства. Вот почему он пришел сюда на полчаса раньше – чтобы успеть подольше побыть наедине со своими воспоминаниями.

Опершись на трость, на которую он примостил руки, а на них подбородок, Звонарев настолько погрузился в свои мысли, что не заметил, как рядом с ним на лавку присел мужчина с убеленными сединой висками.

– Добрый день, Виктор Сергеевич, – поздоровался мужчина. – Извините, что помешал вашим детским воспоминаниям.

– Добрый, Игорь Васильевич, – кивнул головой Звонарев. – Как вы угадали, о чем я думаю?

– Очень просто – я сам, пока сюда шел, вспоминал свое детство. Вы, например, знаете, что в сорок втором году вот в том месте справа от нас, где сейчас стоит пустующая беседка, снимали финал знаменитого фильма «Два бойца»?

– А вам откуда это известно? – удивился Звонарев.

– Будучи мальчишками, мы прибежали сюда и наблюдали за съемками. Помните, там в финале герой Марка Бернеса со своим однополчанином отбиваются в доте от полчищ нападающих на них фашистов? Так вот эту атаку снимали именно здесь. А песню «Темная ночь» запечатлели в кинотеатре «Ватан», который в те годы был превращен в съемочный павильон.

– Интересные подробности, – поблагодарил за услышанное своего собеседника Звонарев. – Но я позвал вас сюда не для того, чтобы мы смогли поделиться друг с другом нашими детскими воспоминаниями. Мне хватило их вчера, когда я встречался в бассейне с Геннадием Красницким.

– Он что-то заподозрил? – насторожился чекист.

– Не думаю, но он заметил, что я изменился. Причем, по его словам, не в лучшую сторону.

– Это всего лишь обобщение, – не скрывая своего удовлетворения, заметил Игорь Васильевич. – Я же грешным делом подумал, что он сумел докопаться до более глубоких вещей в ваших взаимоотношениях.

– Рано или поздно, но он это сделает.

– Если вы ему не поможете, то вряд ли. Не смог же он вас раскусить за эти два десятка лет.

– Вот именно, что двадцать лет я живу в этом аду. И втянули меня в эту историю вы, – голосом полным негодования, обратился к собеседнику Звонарев.

– Ошибаетесь, – покачал головой чекист. – Вы попали в поле нашего зрения уже сформировавшимся негодяем. Не лгите самому себе, Виктор Сергеевич.

– Я был тогда слишком молод, – продолжал негодовать Звонарев. – А вы, вместо того, чтобы вразумить меня, воспользовались моим тогдашним состоянием.

– А мы не благотворительная организация, чтобы всем помогать. Впрочем, вам-то мы как раз и помогли – наверх вы вознеслись благодаря нашей помощи.

– Но чем я за это расплатился?

– А вы разве не знаете, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке? Впрочем, у вас был выбор, и вы его сделали. Вас вела зависть, а завистливое око, как известно, видит далеко. Соглашаясь на сотрудничество с нами, вы прекрасно понимали, что потеряете и что приобретете. И последнее в итоге перевесило. Чего же теперь убиваться? Или это у вас возрастное? Как там Алишер Навои говорил о вашем брате-завистнике: «Скряга погибает от того, что мучит сам себя, а завистник болеет из-за своих поступков».

– А у вашего брата-чекиста, значит, ничего не болит?

– Случается, мы же тоже люди, – кивнул головой Игорь Васильевич. – Однако нюни мы стараемся не распускать. Так что забудьте про ваше проклятое прошлое – оно вам только жить мешает.

– А если не получается забыть? – сказав это, Звонарев поднялся со скамейки и, опираясь на трость, сделал несколько шагов вперед.

Чекист остался на своем месте, понимая чутьем профессионала, что в таком состоянии его собеседника лучше не трогать. Пусть лучше он немного побудет наедине со своими мыслями.

Ретроспекция.

8 сентября 1957 года, воскресенье.

Ташкент, стадион «Пищевик»

Звонарев догнал Красницкого на выходе из раздевалки, когда уже вся команда «Пищевика» во главе с новым тренером Геннадием Васильевичем Ермаковым выбежала на поле.

– Красный, подожди, разговор есть, – обратился Звонарев к другу, касаясь рукой его локтя.

Красницкий остановился и выразительно посмотрел на приятеля: дескать, ну что, говори.

– Поговори с Василичем – пусть поставит меня сегодня в пару с тобой.

Эта просьба была не случайной. На сегодняшней игре должен был присутствовать тренер Давид Берлин, который отбирал талантливых футболистов в молодежную сборную Узбекистана – ей в октябре предстояло выступить во Фрунзе на Спартакиаде республик Средней Азии и Казахстана. Красницкого туда уже отобрали, а для Звонарева это был последний шанс пробиться вслед за другом в эту же сборную.

– Звонарь, ты же знаешь, что мое слово вряд ли может что-то решить, – развел руками Красницкий. – К тому же ты сам виноват. В последних играх ты здорово сдал, а Стас Стадник наоборот прибавил. Мы с ним на пару в трех последних играх двенадцать мячей наколотили. Неужели ты думаешь, что Василич разрушит такую связку?

– Но ты мне друг или не друг? – продолжал гнуть свою линию Звонарев.

– Друг, конечно, – кивнул головой Красницкий. – Но что-то ты поздно об этом вспомнил. Когда я тебя по-дружески попросил не пропускать тренировки, ты что мне ответил? Что тебя и без тренировок из команды никто не отчислит. Тебя и правда не отчислили, но место твое

Стасу досталось. И он, в отличие от тебя, за это место землю грызет зубами. Поэтому ты сам виноват, что в сборную взяли его, а не тебя.

– Значит, он тебе дороже стал, чем я?

– Дурак ты, Звонарь, – беззлобно произнес Красницкий и, проведя рукой по стриженной голове друга, отправился к команде.

Спустя минуту к нему присоединился и Звонарев. Только он занял место не на поле, на своем привычном месте полузащитника за спиной Красницкого, а на лавке для запасных игроков. И на поле в той игре он так и не вышел. Более того, когда счет на табло был уже 6:1 в пользу «Пищевика», причем четыре гола были на счету Красницкого, которому ассистировал Стадник, Звонарев поднялся со своего места и уныло побрел в раздевалку. На этот его демарш никто не обратил внимания.

Переодевшись, Звонарев покинул стадион и пешком побрел домой. Вдруг сзади его кто-то окликнул. Он обернулся, и увидел Зою – девушку, которая с недавних пор встречалась с Красницким.

– Привет, Витя! – поздоровалась девушка.

По ее покрасневшему лицу было видно, что она куда-то торопилась.

– Что, игра уже закончилась? – спросила Зоя, имея в виду футбольный матч, в котором «Пищик» встречался с командой «Трудовых резервов».

– Нет, еще играют, – ответил Звонарев.

– Тогда почему ты здесь? – удивилась девушка.

– А что мне там делать – твоему Генке Стас Стадник «снаряды» подносит. Уже на четыре гола поднес.

– Долго еще играть будут? – поинтересовалась Зоя.

– Только второй тайм начался.

– Значит, я еще успею концовку посмотреть, – и, махнув Звонареву рукой, девушка побежала к стадиону.

Глядя на ее изящную фигурку, удаляющуюся от него, Звонарев подумал: «Везет же Красному – он и в сборную попал, и такую деваху себе отхватил. А мне, получается, шиш с маслом».

Размышляя над превратностями своей судьбы, Звонарев вышел на Пролетарскую улицу и стал переходить дорогу. Погруженный в свои мысли, он не заметил, как из-за поворота выскочил «Москвич» зеленого цвета, водитель которого стал отчаянно ему сигналить. Услышав этот звук, Звонарев инстинктивно подался назад и, очутившись на полосе встречного движения, угодил под колеса серебристой «Победы». Удар пришелся по правому бедру Звонарева и был настолько сильным, что парня отбросило на несколько метров вперед. Теряя сознание, Звонарев успел только подумать: «Все, отыгрался».

16 июня 1983 года, четверг.

Ташкент, парк имени Тельмана

Постояв несколько минут спиной к чекисту, Звонарев, наконец, вернулся на свое место на лавке. Поглаживая рукой правое колено, которое разболелось от долгого стояния на одном месте, Звонарев задал собеседнику вопрос, который давно его мучил:

– Вы никогда не говорили мне о том человеке, который тогда, в начале шестидесятых, помог вам выйти на меня. Кто он?

– Мы не разглашаем имен наших агентов, Виктор Сергеевич, – откидываясь на спинку скамейки, ответил чекист. – Да и зачем вам его имя? Вам что, станет от этого легче?

– Просто хочу понять, как вы выходите на таких людей, как я.

– У нас давно отработанная технология.

– Но откуда вы узнали, на чем меня можно зацепить?

– Мы весьма внимательно изучали вашу биографию.

– Но в ней ничего не сказано о моих взаимоотношениях с Красницким. Значит, вам о них сказал кто-то из близких мне людей. Кто? Если вы мне назовете его имя, я обещаю вам, что о нашем разговоре не узнает ни одна живая душа. Даже этот человек.

– Зря стараетесь, Виктор Сергеевич, – доставая из кармана пиджака пачку сигарет, ответил чекист. – Успокойтесь вы на этот счет, в конце концов. Считайте, что этот человек давно умер. И лежит себе спокойно на Боткинском кладбище. Зачем тревожить души умерших?

– А как быть с моей душой?

– Сходите в церковь и помолитесь, – отправляя сигарету в рот, произнес чекист. – Но я полагаю, что это не поможет. Слишком много грехов вы успели совершить, чтобы суметь их так быстро замолить. Как и я, впрочем. Поэтому прекратите валять дурака. Более двадцати лет назад вы изъявили желание работать на нас. А побудительным мотивом к этому стала ваша зависть к Красницкому и желание доказать ему и всем остальным, что вы, даже став инвалидом, сумеете выбиться в люди. Вы это доказали – стали весьма влиятельным спортивным функционером. И произошло это при нашей активной помощи и поддержке. Так что грехи у нас с вами общие и сегодняшним днем исчерпаны быть не могут. Или, может, вы решили выйти из игры? Отречься от своего высокого положения, достатка и переквалифицироваться в управдомы?

Ответом на эти слова чекиста было молчание со стороны его собеседника.

– Вот об этом и речь, – щелкая зажигалкой, заметил чекист. – Так что переходите лучше к делу, Виктор Сергеевич – мы с вами уже битый час здесь сидим, а вы мне так и не объяснили, зачем я вам так срочно понадобился? Я надеюсь, не ради ваших рефлексий.

– Я вчера виделся с Красницким, – после короткой паузы сообщил Звонарев.

– Это вы мне уже говорили в начале нашей встречи, – напомнил собеседнику о его же словах чекист.

– Он сообщил мне, что Рашидов предложил ему стать тренером джизакской «Звезды», а перед этим отправиться в Афганистан и на короткое время принять к руководству афганскую сборную по футболу.

– Что за блажь нашла на Шарафа Рашидовича? – искренне удивился чекист.

– Дело в том, что в июле в Кабуле должен состояться футбольный турнир, приуроченный к каким-то торжествам по случаю примирения «Парчама» и «Халька». И они там должны присутствовать.

– Под словом «они» вы кого имеете в виду?

– Как кого – Рашидова и Красницкого.

Сообщив это, Звонарев взглянул на собеседника, но тот молчал, затягиваясь сигаретой. Затем, выпустив дым, чекист произнес:

– За информацию спасибо, но мы бы и без вас об этом узнали. Кстати, как вы смотрите на то, чтобы и самому отправиться туда же?

– В каком смысле?

– В самом прямом. Если там будет Рашидов, нам нужен будет информатор возле него. Лучше вашей кандидатуры вряд ли кого-то можно себе представить, учитывая ваши приятельские отношения с Красницким.

– Я об этом не думал.

– А вы подумайте на досуге, только побыстрее – как я понял, отъезд Красницкого уже не за горами. Это все, что вы хотели мне сегодня сообщить или есть что-то еще?

– Есть, – кивнул головой Звонарев. – Ваши коллеги всерьез копают под Рашидова, и я хочу вам кое-что посоветовать. Он очень любит футбол, особенно команду «Пахтакор».

– Это мы тоже знали и без вас.

– Но вы наверняка не думали о том, что если ударить по «Пахтакору», то бумерангом этот удар придется и по Рашидову.

– Что значит ударить? – насторожился чекист. – Однажды его уже ударили – вся команда разбилась в авиакатастрофе.

– Я не это имел в виду. Дело в том, что в этом сезоне Рашидов поставил перед Секечем задачу войти в тройку призеров, а при удачном стечении обстоятельств побороться и за золотые медали. И «Пахтакор» с этой задачей успешно справляется – отстает от лидера всего лишь на три очка.

Если вы договоритесь с московскими функционерами, то «Пахтакор» можно вообще выбросить из высшей лиги, тем более, что в прошлом году истек трехлетний срок, в течение которого команда была защищена от вылета. Для Рашидова это будет серьезным ударом. И, учитывая его проблемы с сердцем...

Звонарев не стал завершать свою мысль, которая и без того была понятна.

Не докурив сигарету, Игорь Васильевич отбросил ее в траву и поднялся со скамейки. И первым протянув руку для прощального рукопожатия, обратился к Звонареву:

– Я вас услышал, Виктор Сергеевич. И вы меня тоже услышите – перестаньте терзать себя прошлым. Иначе это пагубно скажется на вашем настоящем и, главное, будущем.

Пожав протянутую ему руку, чекист не спеша двинулся по асфальтовой дорожке в сторону выхода из парка.

16 июня 1983 года, четверг.

Москва, Неглинная улица, ресторан «Узбекистан»

Выбираясь из представительской «Чайки», которая остановилась прямо у входа в ресторан «Узбекистан», Шараф Рашидов внезапно вспомнил, когда он в первый раз посетил это заведение. Случилось это в самом начале 50-х, когда он работал Председателем Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, а ресторан только-только открылся. Приехав в Москву для участия в переговорах с индийской делегацией, Рашидов пригласил высоких гостей в заведение на Неглинной, чтобы попотчевать их узбекской кухней. «Надо же, как быстро летит время – три десятка лет пролетели, как одно мгновение», – выбираясь из автомобиля, подумал Рашидов. На этот раз он приехал в ресторан как частное лицо в обеденный перерыв между заседаниями Совета Союза и Совета Национальностей, которое проходило в Кремлевском Дворце Съездов, в сопровождении только *двух* своих прикрепленных (телохранителей) – молодых ребят, которых в начале 50-х еще даже не было на свете. С Рашидовым они работали с марта 80-го, оба были узбеками, которым он доверял безоговорочно. Последнее было немаловажным фактором в той ситуации, в которой Рашидов оказался в последнее время, когда Москва открыла на него настоящую охоту. Собственно, и в «Узбекистан» сегодня он приехал вовсе не для того, чтобы откусать плова и выпить пиалу зеленого чая – рестораны он не жаловал и сегодняшнее посещение было лишь прикрытием. На самом деле в ресторане у него должна была состояться важная конфиденциальная встреча с весьма дорогим для него и не менее надежным, чем его прикрепленные, человеком.

Когда Рашидов вошел в вестибюль ресторана, там его уже дожидался заместитель директора этого заведения Шухрат Ибраев, которого он знал более двадцати лет. Он тоже входил в число надежных людей, на которых лидер Узбекистана мог положиться, как на себя самого. Вместе с ним и двумя прикрепленными Рашидов прошел в банкетный зал, который в эти часы был практически пуст. А ведь каких-нибудь несколько месяцев назад один из самых популярных в Москве ресторанов был забит битком даже в дневное время в любой будний день. Но с тех пор, как к власти в стране пришел Юрий Андропов, объявивший борьбу за дисциплину труда, все увеселительные заведения столицы в дневное время практически обезлюдили. Рашидову сегодня это было только на руку – меньше любопытных глаз могло наблюдать за его приходом в ресторан. Впрочем, будучи достаточно искушенным в политике человеком, он отнюдь не заблуждался на тот счет, что любопытные глаза и уши в любом *случае* должны

были сопровождать его сегодняшнее посещение «Узбекистана». Ведь даже у себя на родине он с недавних пор перестал чувствовать себя в безопасности, чего уж говорить о Москве, где Андропов и его люди были полновластными хозяевами. Зная об этом, Рашидов никогда бы не решился на эту встречу, чтобы не засветить преданного ему человека, однако обстоятельства складывались таким образом, что обойтись без этого рандеву было нельзя. Информатор Рашидова настоял на этой встрече, оповестив об этом вчера в записке, которую принес из Дома книги прикрепленный первого секретаря Батыр Каюмов. Поэтому обе стороны постарались обставить ее таким образом, чтобы исключить любую возможность расконспирации. Ведь всем было известно, что этот элитный ресторан давно находится под колпаком у КГБ и комната для высоких гостей, где должна была состояться трапеза, наверняка прослушивается и проглядывается «слухачами» с Лубянки. Однако для них был приготовлен сюрприз, который хранился в небольшом чемоданчике, находящемся сейчас в руках у Батыра Каюмова.

В разгар трапезы, спустя десять минут после ее начала, Каюмов нажал на кнопку специального прибора, который находился во внешнем кармане его пиджака, после чего в чемоданчике включился мини-генератор, импульс с которого вносил серьезные помехи, как в «жучки», так и видеокамеры, скрытые в этом кабинете от посторонних глаз. Спустя минуту после этого Рашидов поднялся со своего места и в сопровождении Ибраева через специальную дверь, спрятанную за бухарским ковром, висевшем на стене, вышел в коридор, ведущий в подсобные помещения ресторана. Следуя по этому коридору, Рашидов и его сопровождающий вскоре дошли до двери в комнату, в которой и должна была состояться встреча с нужным человеком. В это помещение узбекский лидер вошел один, оставив Ибраева в коридоре.

В комнате, куда попал Рашидов, его встретил статный мужчина примерно сорока с небольшим лет в вельветовом костюме. При его виде Рашидов не просто поздоровался с ним за руку – он крепко обнял его, что явно указывало на предельную степень близости между этими людьми. Затем, слегка отстранившись от мужчины, но все еще держа его руками за плечи, Рашидов произнес:

– Сашенька, как же ты стал похож на своего отца. И особенно – глаза!

– А мама говорит, что я больше похож на нее, – улыбнулся мужчина.

– Извини, дорогой – как здоровье мамы? – встрепенулся Рашидов, который, будучи восточным человеком, всегда в первую очередь интересовался здоровьем близких людей того человека, с которым встречался. Но весь антураж сегодняшней встречи, ее конспиративный характер, на какое-то время выбили Рашидова из колеи.

– С мамой все хорошо, она сейчас отдыхает на даче под Москвой, – ответил мужчина, жестом приглашая гостя сесть на стул, стоявший у небольшого стола в углу кабинета.

– Ты не говорил ей о нашей встрече? – задал новый вопрос Рашидов, присаживаясь на стул.

– Я никому о ней не говорил, – ответил мужчина, усаживаясь по другую сторону стола.

– Да, да, я понимаю, – кивнул головой Рашидов. – Кто бы мог подумать, что такие времена наступят.

– Вам ли удивляться этому, Шараф-ака – человеку, прошедшему войну и столько лет отдавшему политике? – не скрывая своего удивления, заметил человек, которого Рашидов ласково назвал Сашенькой.

Для такого обращения у узбекского лидера были все основания. Человек, с которым он сегодня встречался, был сыном его фронтового товарища, с которым они вместе ушли на войну поздней осенью грозного 1941 года.

Ретроспекция.

Август 1941 года.

Фрунзе, Киргизская ССР

В бывший Бишкек, который в советские годы получил название Фрунзе и с 1936 года стал столицей Киргизской ССР, Шараф Рашидов попал не по своей воле. Он в ту пору работал в Самарканде в должности ответственного секретаря газеты «Ленин йули» («Ленинский путь»), но с началом войны, как и миллионы других советских людей, был демобилизован в Красную Армию. И в августе 1941 года оказался во Фрунзе, где на базе пехотных курсов усовершенствования начсостава запаса Среднеазиатского военного округа было сформировано пехотное училище, в котором начали спешно готовить призывников к отправке на фронт. Срок обучения был установлен в шесть месяцев, а для лиц с высшим образованием (как у Рашидова, который буквально накануне призыва закончил филологический факультет Самаркандского университета) и студентов – в четыре месяца. Именно там Рашидов познакомился со своим земляком – Рустамом Касымовым, который до призыва на фронт работал школьным учителем в кишлаке Денау Бухарской области Шафирканского района. Последнее обстоятельство и стало поводом для сближения двух молодых людей, распределенных в одну роту в 3-м батальоне, поскольку до своего журналистского поприща Рашидов успел закончить еще и Джизакский педагогический техникум и какое-то время преподавал в одной из самаркандских школ.

Вообще ощущения войны в те дни во Фрунзе еще не было. Несмотря на то, что фронтовые сводки были достаточно тревожными (к тому времени фашисты заняли Гомель, Херсон и ряд других городов, начали осаду Киева и Ленинграда), однако в Киргизии люди продолжали жить мирной жизнью, полностью уверенные в том, что неудачи Красной Армии – временные, и что очень скоро враг будет бит и покатится обратно на Запад. И хотя в пехотной учебке преподаватели каждый день старались привить слушателям мысль о том, что война – штука страшная, но молодость все равно брала свое. Едва слушатели оказывались в увольнительной, как мысли о где-то идущей войне улетучивались. Да и как могло быть иначе, если вокруг все дышало мирной жизнью. Особенно это ощущалось на базарах. На них бушевало яркое изобилие, открытые лавочки ломились от всевозможных фруктов, на мангалах дымились шашлыки, прилавки были завалены овощами, рисом, орехами и разноцветным изюмом. И продавцы в черных тюбетейках и дорогих халатах, подпоясанных ниже талии оранжевыми, красными расшитыми платками, в которых были завернуты толстые пачки денег, зычно зазывали покупателей отведать их товар. Глядя на все это, Рашидов с Касымовым вспоминали родной Самарканд, где всего-то несколько недель назад они видели практически то же самое.

Однако с каждой новой тревожной сводкой Совинформбюро война незримо приближалась и к этим безмятежным местам. Особенно это было заметно по эвакуированным, число которых во Фрунзе росло день ото дня. Эти люди приносили с собой живые впечатления о войне, делились теми новостями, о которых не сообщали в военных сводках. И большинство из этих новостей были малоутешительными. Между тем, в числе эвакуированных были не только законопослушные граждане, но и разного рода криминальные личности, которые также спасались от войны, перемещаясь в безмятежную и хлебную Среднюю Азию. И уже очень скоро с этим специфическим контингентом придется столкнуться лоб в лоб и героям нашего рассказа.

Начальником фрунзенской «пехотки» был подполковник Вадим Николаевич Кораблев. Профессиональный военный, который начал служить в Красной Армии еще в Гражданскую войну – в 1918-м. После ее окончания, закончил Высшую пехотную школу, а чуть позже и Химические курсы усовершенствования командного состава РККА. Нрава он был по-военному сурового, но в то же время и понимал, что спустя несколько месяцев все подопечные его училища отправятся на фронт, где их ждет отнюдь не легкая прогулка, а кровавая мясорубка, в которой уцелеют немногие. Поэтому в увольнения он отпускал курсантов регулярно, чтобы они хотя бы напоследок надышались мирной жизнью.

В то солнечное воскресенье, которое Шараф Рашидов запомнит на всю оставшуюся жизнь, все было, как обычно. Они с Касымовым, будучи в увольнительной, погуляли в парке «Звездочка», после чего отправились в кино – в кинотеатр «Авангард» (в будущем – «Ала-

Тоо») показывали «Трактористов» с Николаем Крючковым и Мариной Ладыниной в главных ролях. Зал, рассчитанный на боо мест, был заполнен почти полностью, несмотря на то, что фильм был не новый и многими уже не раз виденный. Но каждый раз, когда на экране возникала очередная смешная коллизия, зрители живо реагировали на происходящее, оглашая зал дружным смехом.

Примерно посередине фильма в зал внезапно вошли двое молодых парней, которые были явно навеселе. Усевшись на свободные места сбоку, они стали громко комментировать происходящее на экране, отпуская сальные шуточки по адресу героев фильма.

– Как вам не стыдно! – попыталась воззвать к совести парней пожилая женщина, сидевшая на ряд выше их.

– Стыдно, у кого видно, – ответил женщине один из парней, после чего оба они разразились громким гоготом, похожим на конское ржание.

Вдоволь насмеявшись, парни принялись грызть семечки, а *шелуху* громко сплевывали на пол. К ним подошла молоденькая билетерша, которая тоже попыталась призвать парней к порядку, но с ней они обошлись еще более бесцеремонно, чем с пожилой женщиной. Тот самый парень, который нагрубил бабуле, внезапно схватил девушку за руку и силой усадил ее себе на колени.

– Будешь сидеть со мной, – приказал он билетерше, обхватив ее обеими руками.

И в этот самый миг чья-то сильная рука схватила парня за шиворот и буквально вытряхнула из кресла. Это была рука Рашидова, который все это время наблюдал за проделками парней, думая, что они угомонятся. А когда стало понятно, что добровольно это не случится, Рашидов первым поднялся со своего места. Следом за ним то же самое сделал и его друг. Вдвоем они набросились на хулиганов и, схватив их за шиворот, буквально выволокли из зала на улицу. Самое интересное, но получив неожиданный отпор, хулиганы разом присмирели и, увидев, что им противостоят двое рослых и крепких парней в курсантской форме, предпочли спешно ретироваться с поля боя.

– Спасибо вам большое, – раздался за спиной друзей женский голос.

Обернувшись, они увидели ту самую юную билетершу, которая едва не пострадала от хулиганов.

– Нет, это вам спасибо за то, что не испугались призвать этих хулиганов к порядку, – улыбнулся в ответ Рашидов.

– Да что вы, я так испугалась, – отмахнулась девушка. – Я ведь случайно здесь оказалась. Моя бабушка ушла на рынок продавать старые вещи, а я вызвалась ее подменить.

– Кем же вы работаете? – подал голос Касымов.

– Я не работаю, я учусь – в педагогическом техникуме, на последнем курсе.

– Кажется, в нашем полку учителей прибыло, – заметил Рашидов и... рассмеялся.

Когда они объяснили девушке в чем дело, она тоже рассмеялась и назвала свое имя – Светлана. Друзья назвали свои. На что девушка отреагировала неожиданным вопросом:

– Рустам – это по-русски Роман. А Шараф?

– Наверное, Шурик, Александр, – предположил Рашидов.

В этот миг девушка вдруг заметила, что у Касимова порван рукав на гимнастерке.

– Как же вы в таком виде вернетесь в свое училище?

И тут же нашла выход из ситуации:

– Мы с бабушкой живем в пяти минутах отсюда. Пойдемте к нам, я зашью вам гимнастерку.

– А мы не стесним вас? – забеспокоился Касымов.

– Ерунда, пойдемте. К тому же кино уже почти кончилось, а это последний сеанс.

И спустя несколько минут друзья оказались в гостях у Светланы – в ее тринадцатиметровой комнате в коммуналке, окна которой выходили на зеленые аллеи бульвара Дзержинского.

И первое, что поразило в этом жилище Рашидова – большой книжный шкаф с книгами, стоявший в углу. И пока хозяйка, усевшись на диван, взялась зашивать гимнастерку его друга, Рашидов достал из шкафа томик со стихами Пушкина.

– Вы любите поэзию? – спросила у гостя девушка, заметив, чью именно книгу он взял с полки.

– Кто же не любит Пушкина? – улыбнулся Рашидов. – Впрочем, мне еще далеко до моего друга Рустамжона, который знает все стихи Александра Сергеевича практически наизусть.

– Неужели все? – с явным недоверием в голосе спросила девушка.

– Давайте проверим, – ответил Рашидов и, открыв томик посередине, зачитал первые строки одного из стихотворений:

*– Весна, весна, пора любви,
Как тяжело мне твое явленье...*

На этом месте Рашидов прервал чтение и взглянул на друга, ожидая от него продолжения. И тот с ходу продекламировал:

*– Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови...
Как чуждо сердцу наслажденье...*

– Здорово! – всплеснула руками Светлана и тут же попросила: – А еще? Рашидов полистал книгу и нашел новое стихотворение:

*– В отдалении от вас
С вами буду неразлучен...*

Едва он замолчал, как Рустам тут же продолжил:

*– Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен, —
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?*

– Печальная концовка, – вздохнула Светлана и вновь взглянула на Рашидова: – А есть ли что-то оптимистическое?

И Рашидов нашел новое стихотворение:

*– Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!..*

И снова Рустам продолжил практически с ходу:

*– В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:*

*Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.*

– Действительно, мило! – радостно захлопала в ладоши Светлана. – Вы пушкинист?

– Нет, он учитель литературы, который обожает творчество Александра Сергеевича, – ответил за друга Рашидов, возвращая книгу на ее законное место в шкафу.

Спустя несколько минут гимнастерка была благополучно зашита и вновь оказалась на ее хозяйине. Пришла пора прощаться. Хозяйка проводила гостей до парадной двери и, пожимая каждому из них руку, как-то по особенному взглянула на Рустама. И этот взгляд не укрылся от Рашидова. Он понял, что его друг произвел на девушку сильное впечатление не столько своей внешней статью, сколько внутренней. А если в женщине задеты именно эти струны, значит, она без пяти минут как влюбилась.

Кстати, то же самое произошло и с самим Рустамом. Всю дорогу до училища он только и делал, что говорил о Светлане.

– Ты заметил, какие у нее глаза? А как она держит голову, когда разговаривает? А какая у нее улыбка, осанка?

– Судя по всему, ты просто влюбился, – смеялся Рашидов, слушая восхищенные рулады своего друга.

– А разве это плохо? – удивился Рустам.

– В любое другое время нет, но только не сейчас – ведь идет война. Представляешь ее состояние, когда тебя отправят на фронт? – произнес это, Рашидов даже остановился.

– Но мы же не знаем, что с нами случится в будущем. Вдруг нас убьют? Почему же мы не можем напоследок отдаться во власть любви перед смертью? Тем более что я так и не успел еще никого по-настоящему полюбить.

– Я тоже не успел, – признался другу Рашидов. – Но я считаю, что о любви надо думать после войны. Вот вернемся...

– А я не хочу так долго ждать, – прервал монолог друга Касымов. – Если мы со Светланой понравились друг другу, значит так тому и быть. А ты можешь меня осуждать.

– Дурачок, и вовсе я не собираюсь этого делать, – улыбнулся Рашидов и обнял друга за плечи. – Люби, если любишь. Вот кончится война, я на вашей свадьбе такой плов сделаю – пальчики оближите.

И так, обнявшись, они дошли до училища. Никто из них в тот момент даже не мог себе представить, что их дружбе суждено будет продлиться не так долго – еще лишь четыре месяца. Поздней осенью 1941 года из-за тяжелой ситуации на фронте три батальона курсантов и весь сержантский состав Фрунзенской «пехотки» погрузят в эшелоны и отправят в действующую армию. Рашидов и Касымов попадут в разные места. Первый окажется под Москвой, на Калининском фронте, а второй – под Ленинградом, на Волховском фронте, где очень скоро, во время оборонительной операции под Тихвином, Рустам Касымов угодит в списки пропавших без вести. Но это будет еще не конец той истории, которая завязалась поздним летом 1941 года во Фрунзе.

Десять лет спустя, когда Шараф Рашидов был уже Председателем Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, к нему на прием пришла молодая женщина, в которой он узнал... Светлану. Оказывается, она увидела портрет Рашидова в газете и сразу узнала в нем того курсантика, с которым познакомилась в августе 41-го. Рашидов знал, что до последних дней своей короткой жизни Рустам поддерживал связь с любимой девушкой посредством полевой почты, правда, за все это время он успел получить от нее всего лишь одно-единственное послание. А когда Рустам пропал без вести, Рашидов написал Светлане письмо с этим скорбным известием. Однако ответа от нее он так и не дождался. То ли послание не дошло до адресата, то ли

девушка сама решила на него не отвечать, потрясенная ужасным сообщением. И только десять лет спустя Рашидов узнал правду о том, что же тогда случилось.

Оказывается, вместе с бабушкой девушка уехала на Урал и уже там узнала, что беременна. Это был ребенок Рустама, которого она зачала буквально накануне ухода ее возлюбленного на фронт. Однако успев получить скорбную весть о том, что отец ее ребенка пропал без вести (об этом ее бабушке сообщил в письме кто-то из их фрунзенских соседей по коммуналке), Светлана посчитала, что он погиб. А ответного послания Рашидову она так и не написала, потрясенная этим сообщением. А потом молодость взяла свое. Вскоре за девушкой стал ухаживать статный военный и она, под давлением бабушки, которая была уже почти при смерти, согласилась выйти за него замуж, чтобы обрести надежный тыл. Тем более что он согласился усыновить ее ребенка и дал ему свою фамилию – Бородин.

– Значит, вы рожали сына в Свердловске, а я в это же самое время был там на лечении в госпитале, – сообщил Рашидов своей собеседнице, внимательно выслушав ее рассказ. – Я лечился в городе Ревда, что в сорока километрах от Свердловска.

– Превратности судьбы, – улыбнулась в ответ Светлана.

– Как зовут вашего сына? – после небольшой паузы возобновил разговор Рашидов.

– Александр, – ответила женщина и добавила: – По-узбекски – Шараф.

Потрясенный Рашидов встретился глазами с собеседницей и она, прочитав в этом взгляде немой вопрос, ответила:

– Сначала я хотела назвать сына Романом – в честь отца. Но моя бабушка всегда была суеверным человеком. И перед смертью сказала мне, что называть ребенка именем родителя, который погиб молодым, плохая примета. И тогда я вспомнила о вас. Вы же были самым близким другом Рустама, и он, узнай о моем решении, никогда бы не обиделся на мой выбор. Тем более что и любимого поэта Рустама тоже звали Александром.

– Спасибо, Светлана, – поблагодарил женщину Рашидов.

После чего отвернулся, чувствуя, что его глаза предательски увлажняются. Но он быстро взял себя в руки и спросил:

– Почему же вы не привели с собой сына?

– Он сейчас отдыхает в пионерском лагере, в «Артеке». Но я обещаю вам, что в следующий раз обязательно возьму его с собой.

– На кого он похож?

– Поначалу был моей копией, но с возрастом в нем начинают проступать и черты его отца.

– Значит, восточная кровь берет свое, – улыбнулся Рашидов.

После этой встречи они не виделись два года, изредка созваниваясь по телефону. Но в 1954 году Светлана приехала с сыном на отдых в Узбекистан, и Рашидов устроил их в лучший совминовский дом отдыха под Ташкентом. Тогда-то Рашидов впервые и увидел сына своего фронтowego друга – 12-летнего Сашу Бородина, который и в самом деле был сильно похож на своего отца. Хотя на тот момент мальчик считал своим родным отцом полковника Терентия Бородина, служившего начальником штаба в Уральском военном округе. Но Светлана обещала Рашидову, что когда мальчик станет взрослым, она обязательно расскажет ему об его настоящем родителе. А пока попросила Рашидова никому об этом не говорить. Это было разумно, учитывая тот факт, что Терентий Бородин очень хорошо относился к мальчику и считал его своим родным сыном. На этом основании Рашидов решил до поры до времени не открывать правду и родственникам Рустама, проживавшим под Шафирканом. На тот момент оба родителя его друга уже скончались и у него в живых оставались брат и сестра. А затем сама жизнь внесла коррективы в дальнейшее развитие событий.

После окончания школы Александр Бородин поступил на учебу в институт иностранных языков и, будучи студентом, стал сотрудником КГБ. А закончив вуз, он под видом журналиста был отправлен по линии внешней разведки в одну из стран Ближнего Востока. При этом

кадровики с Лубянки считали его сыном генерала армии Терентия Бородина, даже не догадываясь о том, кто его подлинный отец. Собственно, тогда это было неважно, но в дальнейшем это обстоятельство сыграет значительную роль в тех событиях, в которые окажется вовлечен Александр Бородин.

О том, кто его подлинный отец, он узнает лишь в середине 70-х, когда из жизни уйдет его второй родитель – Терентий Бородин. Именно тогда Светлана, наконец, откроется перед сыном. К тому времени он уже будет вынужден прекратить зарубежные командировки по состоянию здоровья и перейдет работать в ЦК КПСС – в Отдел административных органов, который курировал весь силовой блок страны. Александру, учитывая его прежнее место работы, достался сектор госбезопасности, где он курировал структуры КГБ среднеазиатского региона. Когда об этом узнала его мама, она произнесла лишь одну фразу: «Это твой настоящий отец с того света постарался». С этого момента Александр стал периодически навещать в Узбекистан, где, наконец, близко познакомился с фронтовым другом своего родителя – Шарафом Рашидовым. И первое, о чем он его спросил, было:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.